

Галина Маневич

П О Э Т

(три типа служения)

Посвящается Евг.Шифферсу

"При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные и почали по одному на каждого из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать" (Деян.2.1-4).

"Поэт связан только с пророческим собеседником".

(О.Мандельштам. О собеседнике)

"Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта. И сладок нам лишь узнанье мит!"

(О.Мандельштам. Слово и культура)

## ПРОРОКИ-ПРАОТИЦЫ

Речь Ф.М.Достоевского, произнесенная им 8 июня 1880 г. в честь избрания А.С.Пушкина и открытия ему славного памятника в Москве, и по сей день является культурным истоком - "Началом" - "Словом" в осмыслиении стихийного мощного потока, который называется Русской поэзией.

Стихотворение "Я памятник себе воздвиг нерукотворный", написанное поэтом за полгода до смерти, и слово Достоевского - новое пророчество о русском гении, своего рода завещание в предчувствии собственного исхода, - спалил извек Памятник Пушкину, воздвигнутый в сердце России (Москве - не Петербурге).

Достоевский известил о Пушкине, что в "появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бескорыстно пророческое"<sup>1)</sup>. Через сорок лет А.Резников изрек, что "Достоевский - это Россия. И нет России без Достоевского. И в последний страшный час, если суждено такому страшному часу, во внезапную последнюю минуту, на последний зов и суд - кому же? - только он один выйдет за Россию, станет один, скажет один за всех - мучавшихся, страдавших, смрадно-грешных, но младенчески любящих - за Россию бунтувшую, отчаянную и безнадежно несчастную (ведь разве бунтующий может быть счастлив!), за убивца - за весь русский народ. "Суди нас", - скажет - "суди", - если можешь и смейся"<sup>2)</sup>.

Так 8 июня 1880 г. на гласный "зов и суд" русской общественности вышел Достоевский свидетельствовать да Пушкина в синдинии своего "последнего" и предсказал нерасторжимую связь - свою и всей русской культуры - с "солицем русской поэзии". Указывая на своеобразие русского гения, его "всемирную отзывчивость", "чудо...перевоплощения почти совершенного" он особым образом подчеркнул почвенную, "органическую связь Пушкина со святыней "народной. "...если русскую землю иногда называли "свя-

<sup>1)</sup> Ф.М.Достоевский. Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества Любителей Российской Словесности. Полное собр. соч. Ф.М.Достоевского. т. II, часть вторая. Дневник писателя. Единственный выпуск за 1880 г. Август.

<sup>2)</sup> А.Резников. Огненная Россия. Дом литераторов. Пушкин. Достоевский. Петербург. 1921 г.

"так Русь", то это единственно с мыслью о тех святынях мощей, и монастырей, и храмов Божих, которые в ней находились, а не потому, чтобы ее устройство представляло сопротивление церковности и светскости, как устройство Святой римской империи"<sup>1)</sup> - писал И.Киреевский.

Достоевский, разумеется, имел в виду эту, глубинную связь поэзии Пушкина позднего периода с мистическим телом Православной Церкви с сонмом ее святых и праведников, обращая мысль слушающих к исповедальному молитвословию поэта, во всей полноте передавшегося аскетический строй великолестного покаяния святого Ефрема Сириня: "Отцы пустынники и имена непорочны..."

Не знаю, кто из святых является Ангелом Хранителем Александра Пушкина и Феодора Достоевского, знаю одно, что имена святых Александра и Феодора, пребывающих у престола Господа в образах мучеников, преподобных, святителей, Церковь вспоминает рядом семь раз в течение богослужебного круга. Видимо, они, эти "верные хранители душ и телес наших" и обратили изысканные рифмы Пушкина в уединенную молитву:

Владыко дней моих! душ праздности унылой,  
Любоначалии, змеи сокрытой сей,  
И празднословия не дай душе моей.  
Но дай мне зресть мои, о Боже, прегрешенья,  
Ла брат мой от меня не примет осужденья,  
И дух смирения, терпения, любви  
И целомудрия мне в сердце сквиши.

23 ноября Православная Церковь вспоминает одновременно мученика Феодора и святого князя Александра Невского. У стен Невской лавры, вблизи мощей святого Александра и покоятся тело одного из двух гениев русской культуры - духовного страдальца, печальника и заступника за нас на "последнем суде" - сама Россия - Достоевский. Имена Александра и Феодора Православная Церковь произносит рядом и в день их смерти, воздавая им Бечую Память. Пушкин умер 3 четверти третьего часа по полудни, 29 января 1837 года. Достоевский - почти 3 четверти часа девятого по вечерне, 28 января 1881 г. По богослужебному календарному кругу они почли в один день. То есть 29 января по старому стилю - день поминовения Пушкина - является в Православной Церкви и днем поминовения Феодора Достоевского.

<sup>1)</sup>И.В.Киреевский. "О характере превращения Европы". Критика и эстетика. М., "Искусство". 1979 г.

Достоевский свое слово о Пушкине завершил так: "Ниц бы Пушкин далее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видно теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем".

Тайну Пушкинской судьбы и Пушкинского гения еще пытались приступить Б.Луковский, стоявший у ложа умирающего и запечатлевший последние дни, часы, минуты ~~у~~ земной жизни и кончины поэта. Парадокс или опять пророчество? Лишняя возможность присутствовать в Михайловском на погребении Пушкина, а следовательно и возможности оставить подробнейшее религиозно осмыслившее описание и этого знаменательного для России события, он может быть нам явить иное свидетельство из иной жизни - свидетельство о погребении другого гения - Достоевского, о засмертном страстиении его души, ибо могилы их на Александро-Невском кладбище рядом.

Но 15 февраля 1837 г. в письме к старому отцу Пушкина, воскрешая трагические события недавно минувшего, слезно поминая еще не вознесшуюся, не отлетевшую от него душу поэта, Б.Луковский писал: "Мы долго стояли над ним, молча, не шевелясь, не смей нарушить таинства смерти, которое совершалось перед нами во всей умилительной святоти своей. Когда все ушли, я сел перед ним, и долго, один, смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась, руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново, и в то же время так знакомо. Это не было ни сон, ни покой, не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, не было также и выражение поэтическое, нет! какая-то важная, удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знание. Всматриваясь в него, мне хотелось у него спросить: что видишь, друг? И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть?"<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> В.Луковский. Письмо к С.Л.Пушкину. Полное собр. соч. т.10. С.-Петербург. Издание А.Ф.Маркса. 1902 г.

Такого глубокого, торжественного, благоговейного и провиденциального описания смерти Ф.Достоевского нам не известно. Достоевский умер в семейном кругу. Воспоминания о его смерти сохранили не преображеный "лик" России, а то как "на темном фоне дивана под фотографией "Сикстинской Мадонны" недвижно застыло "измученное мышью, словно все прожженное изнутри страстным пламенем лицо".

Во время кончины Пушкина великосветская Россия вместе с самодержцем оплакивала не пророка и даже не героя античной трагедии, а своего романтического кумира, того, чей портрет на самом деле Пушкин так замечательно нарисовал в своей трагедии "Дон Жуан". Тайное погребение не могло родить катарсиса. Загадка дуали, подробности дворцовых, светских и семейно-дипломатических интриг снова были дарованы молве. Ненавидимая поэтом "чернь" еще продолжала свое торжество. Черты житийного существования поэта, только открывшиеся В.Жуковскому, должны были быть явлены России голосом нового русского пророка.

Ф.И.Достоевский умер в год дотоле неведомой ему славы. Триумф "Братьев Карамазовых" и пророческое "Слово о Пушкине" отстали от него все критики. Жизнь Ф.И.Достоевского, обремененная хронической падучей и резко прогрессирующей эмфиземой легких, постоянным предчувствием смерти и страхом за своих близких из-за крайней стесненности в денежных средствах, в последний год - оборачивается началом подлинно житийного существования. Достоевский оборачивается - Россией. Россию больше не мыслят без Достоевского.

Уде на могиле писателя 10 февраля 1881 г. были услышаны слова, осмыслившие мироусердие и само пребывание Достоевского на нашей земле в новом, неадионем свете. Вл.Соловьев говорил: "Приняв в свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолев все это бесконечной силой любви, Достоевский во всех своих творениях возвещал эту победу. Изведав божественность силу в душе, пробивающуюся через всякую человеческую немощь, Достоевский пришел к познанию Бога и Богочеловека. Деятельность Бога и Христа открылась ему во внутренней силе любви и всепрощения, и эту же всепрощающую и благодатную силу проповедовал он как основание и для внешнего осуществления на земле этого царства правды, которого он ждал и к которому стремился всю свою жизнь"<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> В.Соловьев. "Три речи в память Достоевского". "Предисловие" Собр.соч.В.С.Соловьева т.3. С.-Петербург. "Просвещение".

В.Соловьев, по свидетельству его племянника-поэта, священника и исследователя его творчества - С.Соловьева, почитал высоко из русских лириков: Пушкина, Фета, А.Толстого и В.Жуковского.

См. В.Соловьев. "Стихотворения". Служебный Сборник Соловьев

Неким подтверждением начавшегося здесь, в этой жизни, житийного существования Достоевского является возвещенное им "Слово о Пушкине", которое по свидетельству самого же Достоевского послужило "событию нашего единения, - единения уже всех образованных и искренних русских людей для будущей прекрасной цели"<sup>1)</sup> и, однажды уже упомянутый В. Соловьевым, отрывок из письма Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову: "Как бы я желал уметь сказать *твоё*, что я чувствую о Достоевском. Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек... Я его так и считал своим другом и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не придется, но что это мое. И вдруг читаю - умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу..."<sup>2)</sup>. Известно, что при жизни Ф. М. Достоевского великий столп Ясной Поляны относился к нему достаточно скептически. Земля похоронила личину, а слезы расчистили лицо русского и вселенского гения. Россия теряла полемиста, беллетристу, редактора журналов "Гражданин", автора "Дневника писателя" - Ф. М. Достоевского и обрела поэта-пророка Достоевского.

С этого дня в разгадке "тайной" судьбы Пушкинского гения и гения Достоевского в их новой общности и почти мистической "судеб скрещении" опознает себя русский поэт, русский гений, русская культура. В. Соловьев был религиозным мыслителем и русским пророком-поэтом. Он одним из первых попытался проникнуть в таинственную сферу поэзии Достоевского и Пушкина. Через осмысление Достоевского он пришел к Пушкину. "Три речи в память Достоевского" (1881-83 гг.) - кульминация в становлении его религиозно-философского мировоззрения. Здесь берет начало его учение о Богочелове-

---

Биография Владимира Сергеевича Соловьева. Москва. "Русский книжник", 1921 г.  
Снять промысел? Достоевский, вопреки его личным пожеланиям - быть похоронен рядом с Некрасовым, похоронен рядом с В. Жуковским. Жуковский - Пушкин - Достоевский - В. Соловьев.

<sup>1)</sup> Ф. Достоевский. "Дневник писателя". Единственный выпуск за 1880 г. Август. Глава первая. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Речи о Пушкине. Полное собр. соч. Ф. М. Достоевского. т. I. С.-Петербург. Издание А. Ф. Маркаса. 1895 г.

<sup>2)</sup> В. Соловьев. "Три речи в память Достоевского". "Предисловие". Собр. соч. В. Соловьева т. 3. С.-Петербург. "Просвещение".

честве. Статьи "Судьба Пушкина" (1897 г), "Значение поэзии в стихотворениях Пушкина" (1899 г) - сочинения позднего, почти предсмертного периода.

Одновременно через просматривания пушкинских образов "Поэта" и "Пророка", через пророческий гений Достоевского, через анализ собственного поэтического пространства - Красоты - угадывается завещание В.Соловьева русским поэтам. И когда В.Соловьев пишет, что "он (Пушкин А.С.) в своем "Пророке" вдохновенно изобразил идеал вещаго избранника, но не осуществил его в себе. Перерождение в нем только начиналось, и, не будучи "поденщиком, рабом нужды, забот, червем земли", он лишь наполовину был сыном небес, оставаясь перед чернью невольником душевного раздвоения"<sup>1)</sup> - слышатся слова пушкинского пророка, читаемые Достоевским. Слышатся отчетливо, ясно, как тогда - с замещанием сердца. Они сливаются с самим образом Достоевского. Может, реальность видения этой трагической и возвышенной картины навеяла И.Анненским, его "Отражениями" юношеских впечатлений и зрелых размышлений о том, как Достоевский в последние годы своей жизни читал неоднократно с эстрады пушкинского "Пророка". "Помню только, что в заключительном стихе - "Глаголом жги сердца людей" - Достоевский не забирал вверх, как делали иные чтецы, а даже как-то отпадал, так что у него получался не приказ, а скорее предсказание, и притом невеселое... и далее - "Теперь, правда, через много лет, пророк Достоевского для меня яснее. Мало того, чистое пушкинское стихотворение освещает мне теперь его творчество.

Пророк Достоевского отнюдь не проповедник и не учитель, все-го менее в нем уж, конечно, мессианизма. Это скорее сновидец и мученик, это эпилептик, до которого действительность доходит лишь болезненно-острыми уколами. Если он берет на себя грехи мира, этот пророк, то вовсе не потому, чтобы этого хотел или чтобы ему так жаль было этого скорбного человечества, а лишь потому, что не может не обремениться его муками, как не может обращенная к солнцу луна не вбирать в себя солнечных лучей"<sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> В.Соловьев. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. Собр. соч. В.С.Соловьева, т.9. С.-Петербург. "Просвещение".

<sup>2)</sup> И.Анненский. Достоевский. Книги отражений. "Наука". Москва, 1979 г.

Взаимная проекция двух поэтов для русской культуры - явление не случайное, а пророческое. Пушкин предсказал и преустановил России явление поэта в образе Пророка, то есть, по словам В.Соловьева, "идеального поэта", поэта, уподобившегося ветхозаветному пророку. Феде Достоевскому было не более пяти лет, когда Пушкина посетило знамение небес и "Бога глас" к нему "возвестил":

Восстань, пророк, и видь, и внемли,  
Исполнись волей моей,  
И, обходя моря и земли,  
Глаголом жги сердца людей.

Пушкин первый засвидетельствовал, что в России миссия пророческого служения осуществляет и должен осуществлять Поэт.

В стихотворении "Пророк", в отличие от последующих, посвященных поэтическому служению, Пушкин выступает от первого лица -

Духовнойаждою томим,  
В пустыне мрачной я влакился, -  
И шестикрылый Серафим  
На перепутьи мне язвился.

Однако здесь Пушкин является откровение не личностного порядка, а свидетельствует об онтологии и мистическом служении поэта в его извечном предназначении. И именно в этом смысле само явление Пушкина для России, действительно, как указал Достоевский, "пророческое". Хотя типология творческого гения Пушкина, его лира более отвечает греческому служению поэзии. Поэтому его образу скорее соответствуют следующие рифмы, почти канонизированные многими последователями его лирики. Парадокс, но именно в них Пушкин чаще всего выступает от третьего лица. Свое подлинное "Я" он прячет за маской некоего "поэта":

Не для житейского волненья,  
Не для корысти, не для битв,  
Мы рождены для вдохновенья,  
Для звуков сладких и молитв  
  
( "Поэт и чернь" )

или:

Пока же требует поэта  
К священной жертве Аполлон,  
В заботах суетного света  
Он малодушно погружен,  
.....

Но лишь божественный глагол  
До слуха чуткого коснется,  
Душа поэта встрепенется,  
Как пробудившийся орел.

( "Поэт" )

или еще:

Ты царь: киви один. Дорогю свободной  
Иди, куда влечет тебя свободный ум,  
Усовершенствуя плоды любимых дум,  
Не требуй наград за подвиг благородный.

( "Поэту" )

И, наконец, где снова появляется лирическое "Я":

Норой опять гармонией ульешь,  
Над вымыслом слезами обольешь...

( "Элегия" )

- в этих классических рифмах - перлах поэтического совершенства с особой силой ощущается еще запрограммность поэта музее поэзии - некой наивысшей сфере изъявления человеческого духа, согласно идеалам классики.

Стихи, воссоздающие покаянное умонастроение поэта, подобные "Отцам пустынников" - "Пора, мой друг, пора", "Странник", запись, сделанная в черновом наброске: "О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню - поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические - семья, любовь, etc., - религия, смерть", - появляются у него не ранее, чем за два года до смерти. Свидетельство Пушкина о пророческом служении поэта - это пророчество Пушкина о явлении России Достоевского.

У Л.Шестова в его статье "Преодоление самоочевидностей", написанной к столетию рождения Ф.М.Достоевского, можно найти такую запись: "...Эпиграфом к Карамазовым взят самый непонятный и загадочный стих 4-го Евангелия: "Истинно, истинно говорю вам: если ишеничное зерно, пади в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет многое плода", - одно из тех изречений, по поводу которых сам Достоевский, в тех "Братьях Карамазовых", говорит: "В этих книгах (т.е.Библии) ужас что такое встретишь. Под нос их легко совать и кто их писал? Неужели люди?"<sup>1)</sup> И точно, кто писал эти книги - неужто люди?"<sup>1)</sup> Хочется присоединится к риторическому вопросу - восклицанию не героя романа Достоевского, а самого Л.Шестова - "И неужто Достоевский, принимавший такие мысли, мог оставаться "человеком"?"

<sup>1)</sup> Л.Шестов. На весах Иова.

Видимо, да, не мог Достоевский быть просто человеком, просто великим писателем, имея "такие мысли" - он мог быть просто русским пророком-праотцом, который, думается, уже вписан в прореческий чин православного русского Иконостаса.

### КОЧЕНИКИ КРАСОТЫ

В сборнике<sup>1)</sup>, подготовленном к десятилетнему юбилею со дня смерти В.Соловьева, была опубликована статья замечательного поэта, мыслителя и теоретика нового искусства - Вяч.Иванова - "О значении Владимира Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания". Подводя итоги поэтической и религиозно-философской деятельности Вл.Соловьева, автор писал: "Вл.Соловьев нашел, как учитель, слова, раскрывшие глаза поэту и художнику на его истинное и высочайшее назначение: Соловьев определил истинное искусство как служение теургическое". Как мы видим, именно Вл.Соловьев, расчистивший для России лик Достоевского, и интерпретирующий в ракурсе зарождающегося нового религиозного сознания пророческую судьбу Пушкина, завершив собою целую культурную эпоху девятнадцатого века, заложил фундамент поэтического домостроительства на почве русского религиозного сознания двадцатого столетия. Стихотворение Вл.Соловьева "А.А.Фету"<sup>2)</sup>, написанное в июне 1897 г., представляется своеобразным гимном лирике девятнадцатого столетия.

Все мити первыми, все отклики - молчанье,  
Но скрытой радости в душе остался клич,  
И не погаснет в ней до вечного свиданья  
Один таинственный и неизменный луч.

И я хочу, средь царства заблуждений,  
Войти с лучем в горнило вещих снов,  
Чтоб отблеском бессмертных озарений  
Вновь увенчать умолкнувших певцов.

Отшедший дуг! Твое благословенье  
На этот путь заранее со мной.  
Неуловимого я слычу приближение,  
И в сердце бьет невидимый прибой.

<sup>1)</sup> Сборник первый. О Владимире Соловьеве. Путь. Москва. 1911г.

<sup>2)</sup> С.Соловьев. По свидетельству М.С.Соловьева, Вл.Соловьев не-задолго до смерти попытался взять это стихотворение как посвящение для одного из предполагаемых сборников - "Русская лирика в XIX столетии".

А еще 19 октября 1884 г., своему близкому другу - А.Фету, удостоенному Академией Наук Пушкинской премии за переводы Горация и Гете, Вл.Соловьев воздал проникновенный дифирамб в русле идей пророческой "Речи о Пушкине" Достоевского:

Перелетев на крыльях лебединых  
Двойную грань пространства и веков,  
Подслушал ты на царственных вершинах  
Живую песнь умолкнувших певцов.

Миросозерцание В.Соловьева родилось на стыке откровений русской лирики от Пушкина до Фета и идей дусского религиозного сознания, душой которого во второй половине XIX века стала Оптинская Пустынь с ликами ее благих старцев - Леонида, Макария, Амвросия. "К.Задоргольм, А.К.Толстой, К.Н.Леонтьев, Достоевский,<sup>1)</sup> Вл.Соловьев<sup>1)</sup>, Л.Н.Толстой - вот писатели, которые или посетили Оптину Пустынь или кили при ней после Киреевских, Шендеревых и Гоголя, этой, так сказать, старейшей линии посетителей и почитателей Пустыни" - пишет В.Розанов.<sup>2)</sup>

<sup>1)</sup>Кн.Евгений Трубецкой. Миросозерцание Вл.Соловьева. т. I. ги.Н. Соловьев и Достоевский. "Путь". Издание автора.

"На страницах романа Достоевского "Братья Карамазовы" жизнь Оптиной Пустыни находит прямое свое отражение." Из свидетельства Соловьева мы знаем, что в 1878 году оба они вместе ездили в Оптину Пустынь, причем Достоевский излагал своему другу "главную мысль, а отчасти и план целой серии задуманных им романов, из которых в действительности был написан только первый - "Братья Карамазовы"").  
Мысль,ложенная Достоевским в основу этой серии - "Церковь как положительный общественный идеал"<sup>хх)</sup> в том была руководящим началом и для Соловьева. До какой степени в ту пору оба кили одной духовной жизнью, видно из того, что, говоря об основах своего миросозерцания, Достоевский в 1878 году высказывает от общего их имени. В письме к Н.П.Петерсону, по поводу прочтеною только что вместе с Соловьевым рукописи Н.Ф.Бедорова, он пишет: - "Предупреждаю, что мы здесь, т.е. я и Соловьев, по крайней мере, верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно будет на земле"<sup>ххх)</sup>.

<sup>х)</sup>Первая речь в память Достоевского.

<sup>хх)</sup>Там же.

<sup>ххх)</sup>Опубликовано в труде В.А.Кожевникова. Николай Федорович Бедоров. Москва. 1906.

<sup>2)</sup>В.Розанов. Оптинская Пустынь. Около церковных стен. т.2. С.-Петербург. 1906 г.

Далее от В.Соловьева мы попытаемся прочертить продолжавшуюся и непрерывавшую себя традицию русской поэзии.

Одно из центральных мест в русской поэзии начала XX века занимает поэзия Блока. Влияние Соловьева на свое творчество вдохновенно и искренне засвидетельствовал сам поэт в статье - "Рыцарь-монах"<sup>1)</sup>. Сложный процесс поэтических инверсий и трансформаций образа "Вечной Подруги", основанного на мистическом откровении В. Соловьева Божественной Софии - Мировой души, в образы "Прекрасной дами" и "Незнакомки" Блока и по сей день занимает умы ревнителей и служителей русской поэзии.

<sup>1)</sup> А.Блок. Рыцарь-монах. Сборник первый. О Владимире Соловьеве. Москва. "Путь". 1911 г.

А.Блок о В.Соловьеве: "Если мы прочтем внимательно поэму Вл. Соловьева "Три свидания", откинув шутливый тон и намеренную небрежность формы, вызванные условиями века и окружающей среды, откинув их так же, как откинули всю земную "прелесть" Вл.Соловьева, - мы встанем лицом к лицу с непреложным свидетельством. Здесь описано с хронологической и географической точностью "самое значительное из того, что случилось с Соловьевым в жизни". Поэма, напечатанная в томике стихов, изданном со всем демократизмом современности, ничем не отличается по существу от надписи прошедших столетий, сначала по латыни, затем - на национальных языках, они свидетельствуют торжественно и кратко обо всем, что было истинно-ценного в жизни мира. Их можно встретить на алтарях, на храмах, на знаменах, на мавзолеях, даже - на камнях и в поле.

Поэма Вл.Соловьева, обращенная от его лица непосредственно к Той, Которую он здесь называет Вечной Подругой, гласит: "Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды: в 1862 г., за воскресной обедней, будучи девятилетним мальчиком, в Лондоне, в Британском Музее, осенью 1875 года, будучи магистром философии и доцентом Московского университета, в пустыне близ Каира, в начале 1876 года.

Еще невольник суетному миру,  
Под грубой корой вещества  
Так я прозрел нетленную порфиру  
Я ощутил синье божества.

Вот какую надпись читаем мы над изображением рыцаря-монаха."

Заканчивая статью о В.Соловьеве, Блок писал: "Лучшее, что мы можем сделать в честь и память Вл.Соловьева, - это радостно вспомнить, что сущность мира - от века вневременна и внепространственна, что можно родиться второй раз и сбросить с себя цепи и пыль... все мы, <sup>не</sup>насколько хватит сил, должны принять участие в освобождении плениной Хоссии Царевны - Мировой и своей души. Наша душа - причастна Мировой.

Ни же хотим коснуться других не менее значительных в дусской поэзии имен, и при этом проследить традиции почти не адаптированные литературоведением и критикой. Правда, порою эти традиции достаточно четко формулировали сами поэты. Так в случае с Вяч.Ивановым.

Е.Герцик в книге "Воспоминания" как бы в унисон ему и нам пытается их обнаружить: "В Риме мне стала яснее прежнего кровная близость Вяч.Иванова с Достоевским (или сам он тогда осознавал ее явственней?). Имя Достоевского то и дело поминается им. В его отношении к Пушкину чувствовали холодок, несмотря на всегдашнее восхищение пушкинским мастерством. Ближе ему пантеист Тютчев, не иначе, незнающий Егса, бессолечный Тютчев - нет, не он его спутник в радости и горе. А вот Достоевского он любил всегда живой любовью, хотя и по-иному, чем тот - Пушкина, не как благоговейный ученик... Но какого Достоевского? Достоевский стоит на перекрестке слишком многих дорог - среди них есть одна малоизвестная, едва намеченный след: Пушкин-Достоевский-Вяч.Иванов. Это восприятие святости как красоты, - или красоты как святости ("красота мир спасет")"<sup>1)</sup>. Вердикт, по недоразумению в контексте "красоты, спасающей мир" из данной цепи преемственности выпало важное звено - В.Соловьев - проповедник Бесчного-Единого закона - Истины, Добра и Красоты.

Вяч.Иванов в полемической статье "Старая или новая вера"<sup>2)</sup>, написанной по поводу книги Н.Бердяева "Смысл Творчества", определил, что "...отношение к вягости и святым есть мерило верности религиозного мыслителя нашей народной религиозной стихии. Для человека западной обмирщенной образованности лучший цвет человечества - гений, для русского народа - святой", то есть четко сформулировал специфические черты православного сознания и указал, где оно резко расходится с западным. Завершается статья такими словами: "И благая воля пребыть в соборности вознаграждалась бы, на пользу пребывающего, и церкви, трезвением и применением духа, одаренного даром "пророчествования", как говорили в первых христиан-

1) Е.Герцик. Воспоминания. YMCA-Press. 1973 г.

2) Вяч.Иванов. Родное и вселенское. Статьи (1914-1916). Изд. Г.А.Лемана и С.И.Сахарова. Москва. 1917 г.

сих общинах об исследователях и предчувственниках тайн Божьих среди братьев, - как尽可能, быть может, говорить и нам, воспитанным в лоне православного мира, на религиозно-творческих превращениях Ломакова, Достоевского, Вл.Соловьева". Мы же, пополнив маложенную дорогу именем В.Соловьева, хотим сказать, что она прочерчивает все творчество Вяч.Иванова с достаточной очевидностью. На этом пути лежат его основные поэтические, эстетико-философские и критические открытия.

Другое имя, ранее отмеченное нами в контексте Пушкин-Достоевский-И.Анненский - современник В.Соловьева, переживший его всего на девять лет. В его поэзии связи с В.Соловьевым и самим Вяч.Ивановым действительно проходят едва заметно, по касательной. Однако через Пушкина, Фета и Тютчева, а главное, Достоевского здесь тоже можно обнаружить родственные тенденции. Уже упоминавшиеся рифмы В.Соловьева, обращенные к А.Фету:

Подслушал ты на царственных вершинах  
Живую песнь умолкнувших певцов -

дают возможность прочитать скрытый смысл посвященного Анненскому стихотворения Вяч.Иванова "*Ultim Vale*". Оно создано в 1909 году, незадолго до смерти И.Анненского и завершает большой поэтический цикл "Пристрастия", включенный Вяч.Ивановым во Вторую книгу сборника "*Cos Ardens*", выпущенного издательством "Скорпион" в 1911 г.

"*Cos Ardens*" - это и торжественный гимн, и лирическое посвящение, и молитвенное поминание музы-вдохновительницы, жены поэта Л.Д.Зиновьевой-Аннисаб, скоропостижно скончавшейся в 1907 г.

Цикл "Пристрастия" проникнут размышлениями Вяч.Иванова о творчестве и божественной природе гения. Улавливается постоянная образная перекличка с В.Куковским, А.Пушкиным, В.Соловьевым:

Сны веющие свои запечатлеть спеши!  
Мы - ключари богатства заречной души  
Скупых безвремений сокровищницы наши,  
И нами будет жизнь потомков бедных краине.

("Сновидение фараона". Поэма Соловьевской. (Allegro))

"Пристрастия" - своеобразный дифирамб Вяч.Иванова гению и культуре. И это - дionисийское действие, сотворенное из образов прошлого и настоящего, пребывающих в неком синкретическом словесном общении. Выражение "языком" - глубосознания.

Беглец в тайге, безнадый зверь пустынь,  
Безумный ирец, приникший бредным слухом  
К Земле живой и к немоте святынь,

В полуночи зажженных страшны Духом!  
Таким в тебе, поэт, я полюбил  
Огонь глухой и буйство скрытых сил.

( "Таежник". Георгий Чулкову )

Не варь, поэт, что гимнам учит книга:  
Их боги ткут из золота полудней.

.....

В посте мы найдем единоверца,  
Какому б велико ни было року, -  
И Розу напитаем нашей кровью.

( "Sonetto di risposta" )<sup>1)</sup>

В праздничное торжество и в сорокоустное поминание включены друзья Вяч.Иванова - каждодневные посетители его "бани": К.Сомов, Ф.Сологуб, В.Брюсов, А.Блок, П.Соловьев, Ад.Герцик, Г.Чулков, М.Кузмин, И.Гумилев, В.Хлебников и др.; великие гении европейского индивидуализма, услышанные на Русской почве - Байрон и Бодлер; образы Мировой души и Красоты, уловленные Пушкиным, Тютчевым, Достоевским, В.Соловьевым; символы-образы античных трагедий и сочинений протестантских мистиков, и латинизмы католического Рима. Рима - места встречи Вяч.Иванова и Л.Анненбала, Рима - вечного города, Рима - будущей уединенной полуэмигрантской жизни поэта, Рима - смерти.

Понятно, почему именно в этот цикл Вяч.Иванов помещает в 1901 г. строфы, посвященные И.Анненскому. В 1909 г. он послал их поэту в письме. Надо осознать, как глубоко проникновение Вяч.Иванова в поэтическую судьбу. Напомним некоторые факты из биографии И.Анненского. Они достаточно известны, но от того не менее печальные<sup>2)</sup>.

1) "Sonetto di risposta" предваряется эпиграфом из И.Гумилева

2) И.Анненский почти всю свою зрелую жизнь проработал директором Царскосельской гимназии. Занимался переводами античных авторов. Получил известность как переводчик эврипидовской "Федры". В отличие от большей части своих литературных современников вошел в их круги незадолго до смерти как критик ("Книги отражений").

В предисловии к "Первой" книге И.Анненский как бы вторил И.Киреевскому, который в свое время писал: "...критика произведений образцовых должна быть не столько судом, сколько простым свидетельством, ибо зависит от личности и потому может быть производной и основана на сочувствии и потому должна быть пристрастной" X), так как заявлял, что "Само чтение поэта есть уже творчество. Поэты пишут

Гений Аминенского для многих современников существовал в трех разных лицах: переводчик, критик, автор-псевдоним "Тихих песен".

Во всей полноте еще при жизни И.Аминенского истиннее его лицо открывается Вяч.Иванову. Венчая свой цикл "Пристрастия" стихотворением, посвященным И.Аминенскому, Вяч.Иванов включает поэта в цепочку гениев русской поэзии, традиции которой мы и пытаемся прочеркнуть.

Зачем у кельи ты подслушал,  
Как сирый молится поэт,  
И святотатственно запрет  
Стыдливой пустыни нарушил?

Не ты ль меж нас молился вслух,  
И лик живописал, и славил  
Святые имена? Иль правил  
Тобой, послушным, некий дух?

Молчи! Я есть, и есть - иной.  
Он пел, узнал я гими заветный,  
Сам безглагольный, безответный -  
Таясь во храмине земной.

Тот миру дан, я - сокровен...  
Ты я, обнажитель беспощадный,  
В толпе глухих душой хладной -  
Будь, слышащий, благословен!

---

не для зеркал и не для стоячих вод", и далее - ко "Второй": "Моя отражения сцепила, нет, даже раньше их вызывала моя давняя тревога. И всех их проникает проблема творчества, одно волнение, с которым я, подобно вам, ищу оправдания жизни"<sup>хх</sup>).

Глубоко личностный, глубоко творческий подход к пониманию роли критики видимо и привлек в 1909 г. к И.Аминенскому С.Маковского - редактора нового журнала "Аполлон". И.Аминенский был приглашен возглавить критический раздел журнала, однако для его стихов в первом выпуске места не находится. Изданный при жизни сборник стихов - "Тихие песни" - вышел под псевдонимом - "Ник.Т-о". Автор - аноним.

И.Аминенский, по-видимому, в смыслении сущности творчества - "темного мира бессознательного", "член коллективного мыслестрадания" - предвосхитил идеи глубинной психологии К.Бинга. См. "Бальмонт-лирик" и Письмо к Е.И.Мухиной (2.II.1908).-И.Аминенский "Книги отражений". См. статью К.Бинг "Психология и поэтическое творчество". Инион. М.1979. Сб. "Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX-го века".

---

<sup>х)</sup>И.Киреевский. "О стихотворениях Г.Языкова". Сб. И.В.Киреевский. Критика и эстетика. М. "Искусство", 1979.

<sup>хх)</sup>И.Аминенский. Книги Отражений. Предисловия к "Первой" и "Второй" книгам. "Наука". М., 1979.

На это посвящение И.Анненский с благодарностью отвечает. И его ответ нам бы хотелось назвать "тихим" завещанием, как "Тихие песни", извлеченными из бездонного "Кипарисового ларца". Но и величественным - как его трагедии. Необходимо привести его здесь дословно. "Дорогой Вячеслав Иванович. Я только что получил Ваше превосходное стихотворение, которое я и воспринимаю во всей цельности его сложного и покоряющего лиризма. Заглушил в душе лирическое желание ответить - именно потому, что боюсь нарушить гармонию Вашей концепции и красоту мысли - такой яркой и глубинно-ласкающей, что было бы стыдно полемизировать против ее личного коррелята и еще стыднее говорить себе в терминах, мистически связанных с "Тем - безглагольным, безответным". Когда-нибудь в хаотичной беглости звука, то влажно сшибаясь, то ропотно разбегаясь, связанные и не знавшие друг друга, мы еще продолжим возникшее между нами недоразумение. Только не в узости личной полемики, оправданий и объяснений, а в свободной дифференциации, в посменном расщеплении величущей нас обоих Мысли. О чем нам спорить? Будто мы пришли из разных миров? Будто в нас не одна душа - беглая гостья, душа, случайно нас озарившая, не наша, но Единая и Вечная и тем безнадежней любимая"?<sup>1)</sup> Тайно связанные вечным Законом поэзии, "Пророком" Пушкина, читаемым Достоевским, "подвигом поэтического молчания Тютчева", "Душою, молящейся неведомым богам" В. Соловьева - И.Анненский и Вяч.Иванов засвидетельствовали свое родство. Их знакомство и ежедневные встречи в августе-сентябре 1909 года происходили в Царском Селе, над которым до сих пор парит душа пушкинского гения. От 25 августа 1909 г. в дневнике Вяч.Иванова можно найти следующую запись: "Я многим молодым какой-то друг, старший брат; меня, кажется, любят - так, что даже не боятся исповедоваться, и почтительны настолько, что никогда никто не спрашивает ничего личного обо мне, все со мною говорят о себе и о своем. Я говорю немного о себе и своем - из вежливости, для равенства. И вот - неожиданно: встреча настоящая с Анненским, который вдруг до недр все угадал, увидел, понял"<sup>2)</sup>. Поэтического

<sup>1)</sup> И.Анненский. Книги отражений. "Наука". М.1979.

<sup>2)</sup> Вяч.Иванов. Парерга и Паралипомена. "ultimum Vale". Собрание соч. Т.П. Брюссель. 1974.

сборника Вяч.Иванова "Со2 Ardens" И.Анненский читать не мог, однако, судя по письму к Вяч.Иванову, он был знаком со сборником статей и афоризмов "По звездам". Стихи Вяч.Иванова, посвященные И.Анненскому - это воплощенная в гармонической словесно-поэтической форме квинтесценция идей собственной книги и некая перекличка с книгами "Отражений".

Попробуем процитировать несколько основных тезисов сборника "По звездам"<sup>1)</sup>: "Источник всей силы и всей жизни (поэта) - это временное освобождение от себя и раскрытие души живым струнам, бывшим из самых недр мира. Тогда человек, утративший свою личную волю, себя потерявший, находит свое предвечное истинное волнение и делается страдательным орудием живущего в нем Бога, ...волит творчески, значит волит безвольно". ("Символика эстетических начал"). Затем - "Верни своей святыне остались дерзнувшие творить свое страшное слово. Дух, погруженный в подслушивание и транс тайного откровения, не мог сообщаться с миром иначе, чем пророчествующая Пифия. Слово стало только указанным, только намеком, только символом, ибо только такое слово не было ложью" ("Поэт и чернь"); далее: "...Достоевский, создания которого принадлежат главным образом искусству демотическому, представляет особенности художника келейного"<sup>2)</sup> ("Копье Афины"), "Истинное содержание художественного изображения всегда шире его предмета. Творение гения говорит нам о чем-то ином, более глубоком, более трагическим, более божественном, чем то, что оно непосредственно выражает. В этом смысле оно всегда символично, но то, что оно объемлет символом, остается для ума необъятным и несказанным для человеческого слова" ("Предчувствия и предвестия").

<sup>1)</sup> Вяч.Иванов. "По звездам" (статьи и афоризмы). Изд."Оры". С.-Петербург. 1909 г.

<sup>2)</sup> Вяч.Иванов "келейным" называет "искусство... центробежное в своем глубочайшем устремлении активно и... синтетично. Если интимное искусство очерчивает себя волшебным кругом, келейной хочет обладать магическим жезлом. Іто замкнутость - вынужденная, замкнутость самозащиты и сосредоточения: творческая монада нового брожения обороняет себя непроникаемой броней, как бы уходит в свою раковину. ...Это катакомбное творчество "пустынников духа"... психология (келейного художника) - психология молитвенного делания, родная созерцаниям браманов, знаяших, что из энергии молитвенной таинственно и действенно возникает, доколе она длится, божество молитвы...Художник этого типа искусства, сознательно или бессознательно, живет убеждением, что "нужен одинокий пал морозленного перва".

Если сравнить текст стихотворения Вяч.Иванова и текст письма И.Анненского, мы можем в нескванных и нензреченных словах того и другого услышать музыку идей сборника "По звездам", лейтмотив книги "Отражений". Вот она - прямая, но "малооженная" цепь Е.Герцк. И вот оно, то звено, которое ее было упущено. В статье "О веселом ремесле и умном веселии", в которой подробнейшим образом классифицируется религиозное искусство, Вяч.Иванов обращается опять к В.Соловьеву: "Но когда В.Соловьев говорит о художниках будущего "не только религиозная идея будет владеть ими, но они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земным воплощением... Мы думаем, что теургический принцип в художестве есть принцип наименьшей насилиственности и наибольшей восприимчивости. Не полагать свою волю на поверхность вещей - есть высший завет художника, не прозревать и благовествовать сокровенную волю существ. Как повивальная бабка облегчает процесс родов, так должен он облегчать вещам выявление красоты". Некой иллюстрацией этого обобщающего тезиса, этого завета и нового пророчества русского гения начала XX века может служить стихотворение самого В.Соловьева:

Земля-владычина! К тебе чело склоняя я,  
И сквозь покров благоуханный твой  
Родного сердца пламень опустил я,  
Услыша трепет жизни мировой.

В полуденных лучах такою негой жгучей  
Сходила благодать сияющих небес,  
И блеску тихому несли привет певучий  
И вольная река, и многогуменый лес.

И в явном земном таинстве вновь вижу сочетанье  
Земной души со светом неземным,  
И от огни любви житейское страданье  
Уносится как мимолетный дым.

Здесь перед нами раскрывается лирическое "я" поэта, проявленного в реальности вечную мистерию жизни, свет неземной Красоты.

Статья "Символы красоты у русских писателей" включена И.Анненским во "Вторую книгу отражений". Идея И.Анненского - "Красота для поэта есть или красота женщины или красота как женщина" - подобно "блоковскому варианту" не навеяна ли идеями и поэзией В. Соловьева, тем более, что основным материалом для анализа этой проблемы И.Анненскому служат образы пушкинской Татьяны, и Грушевки и Настасии Филипповны Достоевского. Через Достоевского - к В. Соловьеву. Но это скорее - догадки. Что же касается родственности

символико-образной системы первых поэтических сборников Вяч.Иванова - "Кормчие звезды" и "Прозрачность" - с поэзией В.Соловьева, то она очевидна. Последняя встреча Вяч.Иванова с В.Соловьевым произошла в 1900 г. В этот год В.Соловьев ушел из жизни, а в сознании Вяч.Иванова созрел замысел первой поэтической книги<sup>1)</sup>. Известно, что Вяч.Иванов сообщил В.Соловьеву о названии своего сборника "Кормчие звезды" и в ответ услышал, что автор - "филолог". С проникновением в тайну сказанного комментирует этот факт С.Аверинцев в предисловии к сборнику "Вячеслав Иванов"<sup>2)</sup>. Кормчие звезды", - отозвался тот, - сразу видно, что автор филолог, сравни: "Кормчие книги", "Кормчие звезды" - повторил он, - это хорошо". Соловьев мгновенно схватил смысл заглавия, либезный его идеалистическому уму: "кормчие звезды" - звезды, по которым кормчий правит кормило своего корабля, сияющие в недостижимой высоте над индийским морем вечные и неизменные духовные ориентиры, пролеты из платонического мира идей в мир вещей, на конец нечто авторитетное и непрекрасное, как "Кормчая книга" (древнее церковное законодательство), далее: "Сразу видно, что автор филолог". За этими словами Владимира Соловьева виднеется усмешка - скорее сочувственная, нежели ироническая, но все же усмешка." Нам же в интонации - "...сравни: "Кормчие книги", "Кормчие звезды", - повторил он, - это хорошо" - чутся снятие первого определения - "филолог" и проникновение в тайный смысл будущего поэтического сборника, в будущее нового поэта, который предстанет в образе "кормчего", угадывающего смысл поэзии "по звездам". Преемник - Вяч.Иванов только так мог услышать ответ своего духовного учителя - В.Соловьева. Поэтические сборники Вяч.Иванова "Кормчие звезды", "Прозрач-

1) Вяч.Иванов, как и И.Анненский, достаточно поздно пришел в поэзию, и тоже из филологического мира Древней Греции.

2) С.Аверинцев. "Вячеслав Иванов" (предисловие). Вячеслав Иванов. Стихотворения и поэмы. "Советский писатель". Л.1976.

При всей тонкости комментария С.Аверинцева мы с его выводом не можем согласиться. Хотя хорошо известно, что В.Соловьев в отличие от многих русских философов и поэтов обладал незаурядным языком, свойственным разве что Пушкину, известно также, что за пристрастие к эпиграммам никто, как В.Соловьев, более резко не порицал Пушкина, считая их недостойными его поэтического дара. И мы знаем, что по В.Соловьеву не достоинства филологического таланта обличают поэта, а его смиренное видушивание в "трапезе жизни мировой"

ность", "Соз Ardens" и сборник статей и афоризмы "По звездам" были вдохновлены идеями В.Соловьева. Вот собственное свидетельство поэта 1902 г. - стихотворение "Красота", посвященное Владимиру Сергеевичу Соловьеву.

И обвила ее и окрест дышала красота  
"Гимн к Деметре"

Вику вас, божественные дали,  
Умбрских гор синеющий кристалл!  
Ах! Там сон мой боги оправдали:  
Бывае там он путнику предстал...  
"Дочь ли ты земли  
Иль небес, - внемли:  
Твоя я! Вечно мне твой лик блестал".

"Тайна мне самой и тайна миру,  
Я в моей обители земной  
Се гряду по светлому югу:  
Путник, зреть отныне будешь мной!  
Кто мой лик узрел  
Тот навек прозарел /  
Дольний мир навек пред ним иной.

Радостно по цветоносной Гее  
Я иду, не ведая - куда.  
Я служу с улыбкой Адрастее,  
Благосклонно - девственно- чужда.  
Я ношу кольцо,  
И мое лицо -  
Кроткий луч таинственного "Да".

В этой стихии соловьевских образов родились и шедевры "Прозрачности" - "Долина-храм", "Мадонна высот", "Цветы", "Орфей растерзанный", "Пустынник духа", "Кочевники Красоты", "Горная весна" и т.д. И даже в последнем поэтическом цикле 1944 г."Римском дневнике", в глубокой старости, свидетель странных трагических времен фашистской оккупации, Вяч.Иванов снова обращается к своим поэтическим наперсникам:

Таинник Ночи, Тотчев нежный,  
Дух сладострастный и мягкий,  
Чей так волшебен тусклый свет,  
И задыхающийся фет  
Пред величию безнадежной,  
В глущинах ландыш белонежный,  
Над оголением расцветший цвет,  
И духовидец, по сезбрежной  
Любви тоскующий поэт -  
Владимир Соловьев: их трое,  
В земном прозревших неземное  
И нам предуказавших путь.  
Как их созвездие родное  
Мне во сияних не помянут.

Контекст сонета, написанного в окидании собственной кончины, когда Бяч.Иванов хочет "помянуть во святых" имена близких его сердечному уму поэтов, снова обращает нас к сборнику его статей 1914-16 гг. "Родное и вселенское" - непосредственно к статье, посвященной творчеству Ф.Достоевского, "Лик и личины России": "... имея какется, - пишет Бяч.Иванов, - в согласии с Достоевским, что в истинном гении есть - или вспыхивает в его лучших проявлениях - нечто от святости, и объясняю себе втор тем, что гениальная душа в своем досте и в мгновения пробуждающейся в ней творческой воли раскрывается "касанием миров иных", делается восприимчивой к воздействию на нее незримых деятелей духовного мира, какими, прежде всего, являются, по своему конечном освобождении от всех уз отрицательного самоопределения личности, те великие и воистину Христа вместилище души, коих Церковь читит под именем святых. Я уверен, что не мог бы восстать Данте, если бы не подвизался ранее св.Франциск Ассизский, предполагаю, что не возник бы и Достоевский, если бы не было незадолго на Руси великого святого". Бяч.Иванов твердо знал - не будь на Руси Серафима Саровского - не знала бы Россия ни Пушкина, ни Достоевского. Не знала бы Россия Оптиной пустыни - не услышала бы она и всей плеяды русских поэтических гениев второй половины XIX и начала XX столетия. Промыслом в этом многоголосии слышится поэзия В.Соловьева, через нее пролегли дороги последних "кочевников Красоты" - Бяч.Иванова и И.Анненского.

После смерти Л.Аннибала сознание Бяч.Иванова прочно встроилось в лено Церкви Христовой. В 1912 г. Бяч.Иванов вторично посещает Рим - в знак вечной памяти и любви к умершей. С ним приезжает Вера Шварсалон, дочь Л.Аннибала от первого брака, ставшая женой Бяч.Иванова. Описывая последние встречи с Бяч.Ивановым в Риме, Евгения Герцик приходит к поразительным выводам: "В мировой поэзии я не знаю другого поэта, который, зачерпнув, испив так много неба, вечности, дугой-радугой спускался бы сюда же, льнул к этой земле, у которого звучало бы такое безостановочное утверждение мира, оптимизм. Гете? Но он вообще вряд ли когда отрывался от земли. Данте? Этот, достигнув девятого неба, так и не вернулся... Эти мысли о последнем слове поэзии Бяч.Иванова в смутных еще догадках, помню, бродили во мне именно в Риме, в мои одинокие утренние блуждания. В Риме, где внутренняя тишина Бяч.Иванова не заслонялась для меня блеском его бесед с приятелями - ни эрудицей, ни хитроуплетениями ума".

Действительно, подлинно религиозным оптимизмом пронизано все творчество Вяч.Иванова, когда и смерть - смерть близких - воспринимается им как преображенное начало Новой жизни - жизни в Церкви. О смерти Л.Д.Аннибал читаем в сборниках "Прозрачность" и "Сог Арденс", о смерти отца, интеллигента-атеиста, пребывающегося святых тайн на пороге Новой жизни - в поэме "Младенчество", о смерти Скрябина и Блока - в посвящениях им. В 1919 г. его ждала новая утрата - смерть Веры Иварсален в Голодном послереволюционном зимнем Петербурге. В декабре 1919 - феврале 20 гг. Вяч.Иванов создает свой двенадцатичастный цикл "Зимние сонеты" - тихое скорбно-смиренное молитвословие одиночного поэта, не рожнувшего на свою печальную судьбу, почти псалмы.

Любовь - не призрак лживый; верю, чест!...  
Но и в мечтанье сонном я люблю,  
Дружу за мыльных, страдаю, жду, встречаю...  
В ночь зимнюю пасхальный звон ловлю,  
Стучусь в гроба и мертвых тороплю,  
Пока себя в гребу не примечай.

Интонации "Зимние сонеты" перекликаются с последним, уже нами упомянутым, стихотворным циклом Вяч.Иванова - "Римский дневник". Здесь вечная для Вяч.Иванова тема творчества перемежается с темой смерти и обжигается ею. Образ "безымянных похорон" и "уготованных гробов" соседствует с "трапезой мистов и блаженных". "Римский дневник", подобно "Зимним сонетам", состоит из двенадцати частей, каждая из которых называется именем месяца календарного года. Цикл завершает стихотворение, как бы из смерти вновь обращенное поэта-художника к творчеству, к творчеству религиозно-смиренному, не дарование-волевому:

И чем зеркальней отражает  
Кристали искусства лиц земной,  
Тем явственней нас поражает  
В нем жизнь иная, свет иной.

Знакомство Вяч.Иванова с И.Анненским произошло, как мы уже знаем, незадолго до смерти автора "Тихих песен" и уже после тяжелой утраты, постигшей Вяч.Иванова. Вяч.Иванова "тихого", ушедшего из "башни" и склоненного перед лицом святости, лицом Церкви Именно в этот период и могло появиться стихотворение, посвященное И.Аннен-

скому, "Зачем у кельи ты подслушал", которое уже первой и последней - "Будь, слышащий, благословен" - строчками связывает И.Анненского с семью русских поэтов-пророков и поэтов- "кочевников Красоты", Красоты, "мир спасающей". Видится некая вертикаль - соборное строительство русского поэтического слова - понимание поэзии как свидетельского говорения о неизреченнем, об Ином бытии и Ином нездешнем Слове.

Мы не говорим сейчас о поэтах, в творчестве которых не раскрылись пока для нас, не обнаружились взаимные "прорастания", связей каждого со всеми. Эти поэты пока представляются связанными с отдельными звеньями ранее намеченной ими цепочки - Пушкин-Достоевский-В.Соловьев-Вяч.Иванов-И.Анненский; А.Фет - с Пушкиним и с В.Соловьевым, Ф.Тютчев - с И.Анненским и Вяч.Ивановым, А.Блок - с В.Соловьевым и так далее. На этом пути ждут исследователей не менее судьбоносные скрещения и взаимопроникновения. Взаимообусловленность каждого предыдущего с каждым последующим и каждого со всеми явила свои себя пока в одной, но наш взгляд - центровой своей части - в обращённости к русской святыне, к лицу Христу. Здесь главной фигурой для нас является Ф.Достоевский. Поэтому и будем продолжать только к нему и от него ведущие нити: снова - Пушкин-Достоевский-В.Соловьев-Вяч.Иванов-И.Анненский.

В классификационной иерархической сетке служителей поэзии в сборнике "По звездам" Вяч.Иванов высший чин служения назвал "келейным" и причислил к нему только Достоевского. Стихи Вяч.Иванова "Зачем у кельи ты подслушал" возвращают нас и к просветленному отражению образа Достоевского в критике И.Анненского, и к И.Анненскому-поэту, еще с юности заболевшему, или скорее безвольно впавшему в себя состояние сострадания, символом которого становится герой его драмы Фамира-кибаред, жестоко ослепляющий себя за свою вольную гордость - сметь состязаться в пении с богами. И.Анненский всегда знал, что поэту уготована одна судьба и другой он выбрать не может -

И грани шарить бытия  
Иль формы вымыслом ты множишь.  
Но в самом деле И от глаз - не И  
Ты никуда уйти не можешь.

("Поэту")

как не может отказаться от своего дара.

Нет, им не суждены краса и просветление,  
И повторю их на память в полуслое,  
Они - минуты праздного томления,  
Перегоревшие на медленном огне.  
  
Но все мне дорого - зуман их появления,  
Их нарастание в тревожной тишине,  
Без плана, вспыхивая идущее сцепление:  
Мое мучение и мой восторг сме.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,  
Труда котмарного над грудью листов,  
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,  
  
Среди неравного изнемогая боя,  
Но я люблю стихи - и чувства нет святей.  
Так любит только мать, и лишь больных детей.

("Третий мучительныйсонет"  
из цикла "Тихие песни")

Не только И.Анненский-критик, но и И.Анненский-поэт обращается к образу Достоевского:

В нем Совесть сделалась пророком и поэтом,  
И Каракозом и беси жили в нем, -  
Но что для нас теперь сияет мягким светом,  
То было для него мучительным огнем.

Контрапункт "света" и "мучительного огня", мучительного страдания, которое пронизывает все творчество Достоевского, проходит в поэзии самого И.Анненского. Для него характерно выявление метафизической жизни поэтических волнений, тоски припоминания:

Отчего ж я фату навсегда,  
Светлый nimб навсегда полюбил?

(“Светлый nimб” из цикла  
“Кипарисовый ларец”)

Весь я там в невозможном ответе,  
Где миражные буквы маячут...  
...Я люблю, когда в доме есть дети  
И когда по ночам они плачут.

(“Тоска припоминаний” из цикла  
“Кипарисовый ларец”)

Я люблю на бледнеющий ширь  
В переливах растаявший цвет...  
Я люблю все, чему в этом мире  
Ни созвучья, ни отзвука нет.

(“Я люблю” из цикла  
“Кипарисовый ларец”)

Мы находим у Агапенского следы, не вошедшие в поэтические сборники, где с особой остротой обнажается страдательность, перевоплощающаяся в само существо его поэзии:

Х Х Х

Ночь жизни светла и легка мне,  
И тебя я смущаю невольно,  
Не за Бога в раздумье на камне,  
Мне за камень, им найденный, больно.  
Я жалею, что даром поблекла  
Незабытая в книге фиалка,  
Мне тумана, покрышего стекла  
И слезами разнятого, жалко.  
И не горе безумной, а ива  
Побуждает на сердце унылость,  
Потому что она, терпеливо  
Это горе качая... сломилась.

Х Х Х

В небе ли меркинет звезда,  
Пытка ль земная все длится,  
Я не молюсь никогда,  
Я не умею молиться.

Время погасит звезду,  
Пытку ж и так одолеем...  
Если я в церковь иду,  
Там становлюсь с фарисеем.  
С ним упадаю я нем,  
С ним и восстает, ликую...  
Только во мне-то замеч  
Мытарь мятется, тоскуя?

"Тихие песни" И.Анненский завершил стихотворением "Желание":

Когда к ночи усталой дукой  
Донашу я свою полесу,  
И хотел бы уйти на покой  
В монастырь, но в далеком лесу,  
  
Где бы каждому был я слуга  
И творенье Господнему друг,  
И чтоб сосны шумели вокруг,  
А на сосновах лежали снега...  
  
А когда надо мной зазвонит  
Медный зов в беспресветной ночи,  
Уронить на холодный гранит  
Талый воск дрогоречной свечи.

Свое "желание" поэт (скорее всего, не ведая того) осуществил в единенной несуетной жизни вдали от поэтических кругов. Он служил голосом страдающего, страстотерпимого мира, улавливая намеки нездешнего Света и нездешней Красоты. Вот чему служил поэт безраздельно:

Творящий дух и жизни случай  
В тебе мучительно слиты,  
И мея намеков красоты  
Нет утонченней и летучей...  
  
В пустыне мира зыбко-хгучей,  
Где мир-мирзак, влюбилась ты  
В нерааренность разновзвучий  
И в беспокойные цветы.  
  
Неощутима и неарима,  
Ты нал томишь, боготворима,  
В просветы бледные сквозя,  
Так неотвязно, нестдумно,  
Что, полебив тебя, нельзя  
Не полюбить тебя безумно.

( "Поззия" )

Эта "безумная любовь" и родит его жизнь, жизнь в поэзии, с монашеским служением, которому мечтает поэт посвятить свои последние дни. Вот почему Вяч.Иванов, написавший статью об И.Анненском по следам его смерти, по следам их встречи, по следам стихотворения "Зачем у кельи ты поделужал" и по следам письма, полученного в ответ, встраивает И.Анненского в ряд "келейных" поэтов. Статья "О И.Анненском", напечатанная в четвертом номере "Аполлона", затем была включена Вяч.Ивановым в сборник статей "Борозды и межи"<sup>1)</sup>. В этом

<sup>1)</sup> Вяч.Иванов. "Борозды и межи". Москва. изд."Мусагет", 1916г.

сборнике Бяч.Иванов выводит другую иерархическую лестину, иную вертикаль, определяющую степень поэтического постижения миров Иных. Эстетическая категория келейного творчества здесь отсутствует. Но читаем: "Единственный результатом этого обращения к тиремному мученичеству своего или чужого Я является в возможностях, как последнее слово лирического порыва, целая гамма отрицательных эмоций - отчаяния, ропота, уныния, горького скепсиса, жалости к себе и своему соседу по единичной камере. В поэзии Айненского из этой гамы настойчиво слышится повсюду нота жалости. И именно жалость, как неизменная стихия всей лирики и всего жизнечувствия, дает этого полу-француза, полу-эллина времен упадка, - глубоко русским поэтом, как бы вновь приобщает его нашим родным христианским корням. Подобно античным скептикам, он сомневался во всем, кроме одного: реальности испытываемого страдания. Отсюда - "И кто так, как он, умел петь о дочери Иакова, поистине должен был знать сердце Христа". Само собой слышится, что И.Айненский в эпоху нового XX века, настроенный на вслушивание в стихии музыки Достоевского, выражает тип художника "келейного". Сам же Бяч.Иванов завершил свою статью "О И.Айненском" несколько иначе: "То, что целеустремленно обнимал и преодолевал сийный контрпуント Достоевского, должно было после него раздельно звучать и пробуждать отдаленные отзвуки. В свою очередь Айненский становится на наших глазах зачинателем нового типа лирики, нового лада, в котором легко могут выплахать обиду свою на жизнь души хрупкие и надломленные, чувственные и стыдликие, дерзкие и застенчивые, оберегающие одиночество своего заветного уголка, скучные ищущие жизни. Их магически пленяет изысканный стиль и стих Айненского, тонкий и надламывающийся, своеобразно сотканный из сломанных, отрешенных гармоний и загадочных антиномических намеков. Уединенное сознание допевает в них свою тоску, умирая на подогре соборности, но только то в этой новой напевности будет живым и обогащающим жизнь, что сохранил в себе лучшую энергию мастера - любвеобильную излучающую силу его великого сердца".

"Делание" поэта, высказанное в его финальных рифмах, -

А когда надо мней язвенит  
Медный зов в беспросветный ночи,  
Уронить на холодный гранит  
Талый воск дрогеревшей свечи -

выплеснулось в мир и в нем уздел Бяч.Иванов "любвеобильно излучавшая силу его великого сердца", великого сердца И.Айненского.

### ПОЭТ-СТРАСТОВЫЙ

В поэтическом сборнике И.Анненского "Складки" есть поразительное стихотворение "Другому", некоторым образом перекликающееся своим смыслами с пушкинским "Поэтом". И.Анненский вскрывает антиномическую природу личности поэта. Но мы встречаемся с ним, чем пушкинский, взглядом на предмет.

...Ты весь — огонь. И за костром ты чист.  
Испепелишь, но не оставишь пятен,  
И Бог ты там, где я лишь моралист,  
Ненужный гость, и человек и иезуит.

Пройдут года... Быть может, месяца...  
Иль даже дни, и мы сойдем с дороги:  
Ты — в лепестках душистого венца,  
Я просто так, задвинутый на drogi.

Наперекор завистливой судьбе  
И нищете убого-слабодушной,  
Ты памятник оставил по себе,  
Незыблемый, хоть сладостно-воздушный...

И.Анненский, с юности обожженный идеей страдания Достоевского, ежеминутно ощущавший себя перед порогом смерти — "Я просто так, задвинутый на drogi", — предчувствовал великую трагедию и возлагал надежды, что именно эта, искривленная страданием испостась его поэтического "Я" будет отмечена "другими" поэтами. У И.Анненского, как и у Достоевского, страдание дает билет на бессмертие, между тем как пушкинская интерпретация онтологии поэта: "Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв". И.Анненский пишет:

Мои мечты бесследно минет день...  
Как знать? А вдруг с душой, подвижней моря,  
Другой поэт ее полюбит тень  
В нетронуто-торжественном убore...

Полюбит, и узнает, и поймет,  
И, увидав, что тень проснулась, дышит, —  
Благословит ее немой полет  
Среди людей, которые не слышат...

Нусть только бы в круженьи бытия  
Не вышло так, что этот дух влюбленный,  
Мой брат и маг не оказался я,  
В ничтожество слегка лишь подновленный.

Мучавшаяся душа И.Анненского, естественно изливавшая себя в поэзии и критике, на пороге смерти услышанная Вяч.Ивановым и М.Волошиным, в новой жизни была увлечена и полюблена поэтами более

позднего поколения - Н.Гумилевым, б.Мандельштамом и А.Ахматовой.

Страдательный мир поэтического мышления И.Анненского, изменивший на крестный путь самой России, претворенный в экзистенциальном, мученическом опыте личности и язве России поэта нового типа - поэта-страстотерпца - О.Мандельштама.

"Как удивительна судьба Анненского! - писал О.Мандельштам - Прикасаясь к мировым богатствам, он сохранил для себя только малюкую горсточку, вернее, поднял горсточку праха и бросил ее обратно в пылающую сокровищницу Запада. Все спали, когда Анненский бодрствовал. Храпели бытовики. Не было еще "Весов". Молодой студент Вячеслав Иванович Иванов обучался у Иомзена и писал полатыми монографию о римских налогах. И в это время директор Царскосельской гимназии долгие ночи боролся с Европидом, впитывал в себя яд мудрой эллинской речи, готовил настой таких горьких, полинно-крепких стихов, каких никто ни до, ни после него не писал. И для Анненского поэзия была домашним делом, и Европид был домашний писатель, сплошная цитата и кавычки. Всю мировую поэзию Анненский воспринимал, как сноп бучей, брошенный Эладой. Он знал расстояние, чувствовал его пафос и холод, и никогда не сближал внешне русского и эллинского мира. Урок творчества Анненского для русской поэзии не эллинизация, а внутренний эллинизм, адекватный духу русского языка, так сказать домашний эллинизм... Эллинизм - это сознательное окружение человека утварью, вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечивание окружающего мира, согревание егоteleологическим теплом. Эллинизм - это всякая печка, около которой сидит человек и ценит ее тепло, как родственное его внутреннему теплу. Наконец, эллинизм - это могильная ладья египетских покойников, в которую кладется все нужное для продолжения земного странствования человека, вплоть до ароматического кунжута, зеркальца и гребни. Эллинизм - это система в бергсоновском смысле слова, которую человек развертывает вокруг себя, как извеер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое я"<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> О.Мандельштам. О природе слова. (Статья 1922 г.). Собр. сочинений в трех томах. т.II. "Международное литературное содружество". 1971.

Таким эллинистическим полем для О.Мандельштама был русский язык, воспринятый им как "воплощение и действие разумной и дышащей плоти". Голос этой плоти О.Мандельштам слушал как в поэзии И.Анненского, так и в "геле напливавшего издушего своей очереди колокола народной речи, не звучавшей так явственно" ни у кого, кроме Вяч.Иванова. По Мандельштаму, "Архангела Вячеслава Иванова происходит не от выбора тем, а от неспособности к относительно-му мышлению, то есть сравнению времен. Эллинистические стихи Вячеслава Иванова написаны не после и не параллельно с греческими, а раньше их, потому что ни на одну минуту он не забывает себя, говорящего на варварском родном наречии"<sup>1)</sup>.

Записи дневника С.П.Каблукова (1910-17)<sup>2)</sup>, отражавшие его встречи с молодым поэтом О.Мандельштамом, свидетельствуют, что у истоков поэтического гения О.Мандельштама стояла лира И.Анненского и Вяч.Иванова. За чтением стихов этих поэтов, в сокровенных беседах об их творчестве, обсуждая поэтические опыты самого О.Мандельштама, провел С.П.Каблуков в компании с подавшим большие надежды поэтом не одну петербургскую зиму.

Глубокую благодарность своему духовному, свободно избранному учителю Вяч.Иванову, О.Мандельштам высказывает в личных письмах. Вот одно из них, от 4.II.1909 г. - "По-прежнему дорогой Вячеслав Иванович! Не могу не сообщить Вам свои лирические искания и достижения. Несколько первыми я обязан Вам - настолько вторые принадлежат Вам по праву, о котором Вы, может быть, и не думаете. Ваш Осип Мандельштам"<sup>3)</sup>. С.П.Каблуков, непосредственно способствующий контактам О.Мандельштама с Вяч.Ивановым, наблюдает процесс христианизации, воцерковления молодого поэта. 2 января 1917 г. С.П.Каблуков записывает: "Новый Год я "встретил" у себя за беседой с Мандельштамом, обедавшим у меня 31-го. Он уехал от меня час спустя пополудни. Темой беседы были его последние стихи, явно эротические, отражавшие перекивания его последних лет... Эту связь признал и он сам, говоря, что пол особенно опасен ему, как

1) О.Мандельштам. Бури и матицк. (Статья 1923 г.). Там же.

2) Мандельштам в записях дневника С.П.Каблукова. Вестник русского христианского движения. № 129.

3) Осип Мандельштам. Письма. т. II. Собрание соч. в трех томах. Международное литературное содружество. 1971 г.

ущедшему из еврейства, что он сам знает, что находится на спасном пути, что положение его ужасно, но сил сойти с этого пути не имеет... и не видит выхода из этого положения, кроме скорейшего перехода в православие... Я горько упрекал его за измену лучшим традициям "Камня"...<sup>1)</sup>, и советовал обратиться за помощью к старцам Оптиной Пустыни". Видимо, О.Мандельштам отчетливо чувствовал, что очищенный от эротических наслаждений, вечный идеал Невесной Красоты, связанный с образом Святой Софии - Премудрости Божьей, русские поэты- его духовные наперсники, черпали в лоне Православной Церкви. Указаний на то, что О.Мандельштам последовал советам С.П.Каблукова и отправился в Оптину Пустынь, как это делали многие его предшественники, не существует, тем более, что в ближайшие годы после революции этот центр русской святыни, центр духовной русской культуры был подвергнут гонениям и самому жестокому разгрому. Но именно тогда, в эпоху попрания и надругательства над русской святыней, иудей по происхождению, христианин по миросозерцанию, поэт О.Мандельштам, намертво спаянный узами русской народной речи с русской поэзией, с ее традицией, воспринятой от И.Анненского и Вяч.Иванова, начинает свидетельствовать об особой исключительности христианской культуры: "Христианское искусство всегда действие, основанное на великой идее искупления. Это - бесконечное разнообразное в своих проявлениях "подражание Христу", вечное возвращение к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре. Христианское искусство свободно. Это в полном смысле слова "искусство ради искусства". Никакая необходимость, даже самая высокая, не омрачает его светлой внутренней свободы, ибо прообраз его, то, чему оно подражает, есть само искупление мира Христом... Христианство стало в совершенно свободное отношение к искусству, чего ни до него, ни после него не сумела сделать никакая человеческая религия. Питая искусство, отдавая ему свою плоть, предлагая ему в качестве незыблемой метафизической основы реальнейший факт искупления, христианство ничего не требовало взамен. Поэтому христианской культуре не грозит опасность внутреннего оскудения. Она неиссякаема, бесконечна, так как, торжествуя над временем,

<sup>1)</sup> Мандельштам в записях дневника С.П.Каблукова.

снова и снова сгущает благодать в великолепные ячи и проливает их живительным дождем"<sup>1)</sup>.

Хочется привести несколько выразительных, поэтических примеров горения О.Мандельштама этого периода.

Бот неподвижная земля, и вместе с ней  
Я христианства пью холодный горный воздух,  
Крутое Веру и псаломщика раздых,  
Ключи и рушица апостольских церквей.

Какая лиши могла бы передать  
Хрусталь высоких нот в эйре укрепленном,  
И скристианских гор в пространстве изумленном,  
Как Палестини песнь, находит благодать.

(1919)

### XXX

О этот воздух, смутей пьяный  
На черной площади Кремля!  
Качают шаткий "мир" смутьяны,  
Тревожнъ пахнут тополя.

.....

Успенский, дивно округленный,  
Весь удивленье райских дуг,  
И Благовещенский, зеленый,  
И, мнится, заворкует вдруг.

Архангельский и Воскресенъ  
Просвечивают как ладонь -  
Новому скрытое горенье,  
В кувшинах спрятанный огонь...

Однако, уже эти образы мистического, религиозного ликования опрачиваются предчувствием неизбежности крестного пути для России, ее культуры, для самого поэта, отходящегося себя с "ригами Нового Завета".

Люблю под сводами седые тинны  
Молебнов, панихида блужданье,  
И трогательный чин, ему же все должны -  
У Исаака отпеванье.

.....

Соборы вечные Софии и Петра,  
Амбары воздуха и света,  
Зернохранилища вселенского добра  
И риги Нового Завета.

Не к вам влечется дух в годины тяжких бед,  
Сюда влечится по ступеням  
Широкопасмурным несчастья волчий след,  
Ему навеки не изнемим.

<sup>1)</sup> О.Мандельштам. Пушкин и Скрябин. (фрагменты) 1915, 1919-1920 гг. Собр.соч. в трех томах, т.II.

Зане свободен раб, преодолевший страх,  
И сохранилось свыше меры  
В прохладных житницах, в глубоких закромах  
Зерно глубокой, полной веры.

Поэт и исследователь творчества О.Мандельштама, продолжающий ныне в зарубежье лучшие традиции русской философской критики - В.Иваск, очень четко фиксирует этот переломный момент приближения О.Мандельштама к христианскому мировоззрению. "В сборнике "Камень" Мандельштам скорее эстетически восхищался великими соборами - Айя-Софийей и Нотр-Дам. Его обращение произошло позднее и вполне определилось после Октября. Тому свидетельством его стихотворение о православной литургии: "Все причащаются, играет и поют". Это гениальные стихи и, по словам одного православного богослова, они проникнуты глубоким пониманием таинства:

И на виду у всех Божественный сосуд  
Неисчерпаемым весением струится" 1)

Какое синхронное взаимодействие с Вяч.Ивановым! Какое родство его умонастроения, какая равновеликость в понимании идей будущего христианской культуры. Хрустально ограниченную структуру стиха О.Мандельштама, оплотившую стихию его слова - звука - образа пронизывают смыслы писем Вяч.Иванова к М.О.Герцензону, наполненные высоким пафосом торжества христианской культуры, в основание которой положено само воспоминание о Христе и о его крестной смерти. "Смерть же, т.е. перерождение личности и есть его великоделенное освобождение. Умейся ключевой водой и сгори. Это возможно всегда, в любое утро повседневно пробуждающегося духа"<sup>2)</sup>.

После октября 1917 г. О.Мандельштаму - поэту, уже не мыслившему себя вне христианства, вне дома Православия - чартали драматичества, богооставленности, забытости, трагедии, раздора. Приближение часа испытания для России, для ее Церкви, для ее культуры О.Мандельштам реально ощущал и ответственно о немзвестил как "муж", как "рыцарь", как "патриарх" - как "поэт". О. Мандель-

1) В.Иваск. Письмо москвичам. (в защиту христианского гуманизма). "Вестник русского христианского движения" № 128. 1979г.

2) Вяч.Иванов и М.О.Герценсон. "Переписка из двух углов". Письмо от 19 июня 1920 г. "Алконост". Петербург. 1921 г.

штам готов разделить с Россией час ее "ночи".

Кто зовет, может быть, не хватит мне свечи,  
И среди бела дня останусь я в ночи,  
И, зернами дыши рассыпанного мака,  
На голову моя нацену мигру мрака.

Как поздний патриарх в разрушенной Москве  
Неосвященный мир неси на голове,  
Чреватый слепотой и муками раздора,  
Как Тихон - ставленник последнего собора.  
(1918)

С особой остротой эта трагедия прития смерти и гроба возникает в стихах 1930-31 гг., когда поэт возвращается из экзистенческого мира Армении и Грузии - к экзистенциальной реальности настоящего в Петербург-Ленинград. Свое существование в пространстве Петербурга - каменного гроба - О.Мандельштам начинает перекрывать онтологически. Предчувствие неизбежно страдательной кончины звучит как эхо Гефсиманского моления о чаше.

Петербург! Я еще не хочу умирать,  
У тебя телефонов моих номера.  
Петербург! у меня еще есть адреса,  
Но которых найду мертвцов голоса.

(декабрь 1930, Ленинград)

Помоги, Господь, эту ночь прожить  
И за жизнь борь - за Твою рабу -  
В Петербурге жить - словно спать в гробу.

(январь 1931)

"Шевеля кандалами цервочек дверных", образ "Будийской Москвы" и образ Петербурга - "гроба" вызывают в памяти и превращают к жизни образы "Мертвого дома" Достоевского. Правда, пока совпадения с миром Достоевского скорее пластические, в осмыслении категории смерти и личном перекрывании смерти поэтами еще присутствует коррелит, тема "смерти" - тема "гроба" у О.Мандельштама еще не проиницана светом Воскресения. Здесь дает себя чувствовать трагедия покинутости - богооставленности. О.Мандельштаму выпадает участь испить эту Чашу до конца во всей полноте и неизбежности... Но следование предопределенному в означении прития насилиственной смерти, угадывание ее, поразительно сближает Мандельштама с Достоевским.

Колит ресницы. В груди щекипела слеза.  
Чую без страха, что будет и будет гроза.  
Кто-то чудной что-то торопит забыть. -  
Душно, и все-таки до смерти хочется жить.

С над пропадавшим на первый раздавшийся звук,  
Лико и сонно еще озираясь вокруг,  
Так вот бушлатник шершавую песню поет  
В час, как полоской зари над острогом встает.

(март 1931. Москва)

Через мучительное, отчаянно безысходное скидание конца, по-  
буждающее поэта то к самоубийству, то к смиренному философскому  
осмысленному приятию его - в стихах О.Мандельштама этого периода  
выстраивается некое подобие дантовых кругов, намечаются контуры  
страстей, бичующих поэта в мире антихриста.

Там, где аллину сияла  
Красота,  
Мне из черных дыр зияла  
Срамота.

(Март 1931. Москва)

Нам с музыкой-голубом  
Не страшно умереть  
А там - вороньей шубой  
На вешалке висеть.

Через осмысление себя в контексте эллинов русской культуры -  
Пушкин, Вяч.Иванов, И.Анненский, через контекст мировой культуры,  
 воплощенной для него в образе Данте, О.Мандельштаму в его опыте  
открылось знание. Ему - поэту - явился лик, лишенный места и чаши  
на ишу поэтов, на "ишу" Платона. Ему судьба уготовила иной "брач-  
ный пар" - "сосновый гроб", "полуспаленку-полутырьму", "нищету" -  
"дна "вешалки" - виселицу - крест.

Мне на плечи кидается век-волкодав,  
Но не волк я по крови своей,  
Залихай меня лучше, как шапку, в рукав  
Бархатной шубы сибирских степей.

(1-28 марта 1931г)

Я с дымящей лучиной вхожу  
К шестипалой неправде в избу.  
Дай-ка я на тебя погляжу -  
Ведь лежать мне в сосновом гробу!

(4 апреля 1931 г. Москва)

Нет, не спрятаться мне от великой муки  
За извозчию спину-Москву -  
Итгравайная нищенка страшной поры  
И не знаю - зачем я живу.

(апрель 1931 г.).

"Эти трагические стихи <sup>✓</sup> одни из трагичейших в русской поэзии... Грустно и неловко писать о стихах, как о простых свидетельствах нашей правды, как будто это не стихи, а перлостирируемые наши письма, или дневники, обнаруженные в ящике чужого стола. Совестно, совестно вырывать строчки из песни, где слова не выкинешь", - писал В. Бейдле. Действительно, совестно прерывать трагическое исповедание поэта, предчувствующего свою кончину. Интуитивное угадывание обернулось первым арестом - первым Чердынским крещением, а затем Воронежской ссылкой - новым кругом дантовых мук, новым этапом на крестном пути.

Путь О. Мандельштама - это исповедь обнаженного, кровоточащего, не только сострадательно открытого миру сердца, но сердца претворенного, пресуществленного в жертву, ставшего жертвой. Поэт не изменяет своему служению даже тогда, когда образ неземной Красоты оказался в его опыте повернутым на землю, растоптаным вместе с образом Церкви и образом всей Христианской культуры.

Дальше, сквозь стекла цветные, сощурясь, мущительно  
вижу я:  
Небо как палица грозное, земля словно пленица ры-  
хая...  
Дальше еще не припомню - дальше как будто обор-  
вано,  
Находит немного смолой да, кажется, тухлое вор-  
ванье...

- Нет, не мигрень, но холод пространства бесполого,  
Свист разрываемой масти да рокот гитары карболовой...

(23 апр.-июнь 1935. Воронеж)

В Воронеже через засмертие странствие Дантовых душ, через каждодневное ожидание поэтом встречи со смертью, к поэту снова вернулась и истовая вера в бессмертие, вера в нетление Откровения Нового Завета.

Я скажу это начерно - попотом,  
Потому что еще не пора:  
Достигается потом и опытом  
Бесотчетного неба игра.

И под временным небом чистилища  
Забываем мы часто о том,  
Что счастливое небожилище -  
Радужной и покинянный дом.

(9 марта 1937 г. Воронеж)

"Посему говорю вам, не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Всегдаите на птиц небесных: они не се-

иц, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их. Вы же гораздо ли лучше их", - говорил Иисус Христос своим ученикам (Ин.6,26). О.Мандельштам еще в канун своего последнего - застрадательного - говорения начинает отождествлять свое существование с существованием птицы-щегла, полностью передавая свою жизнь в руки Господа. Отсюда идет почти житийное "хваление" ницетой, которую заповедовал Коринфянам апостол Павел во Втором послании.

Май-март 1937 г. Воронеж. Один за одним рождаются поэтические свидетельства осознанного и смиренного приятия мученических тайн креста.

Небо вечери в стену влюбилось—  
Все изранено светом дубцов —  
Превалилось в нее, осветилось,  
Превратилось в тридцать голов.

Вот оно, мое небо ночное,  
Пред которым как мальчик стою, —  
Холдеет спина, очи ноют,  
Стенобитную твердь я ловлю.

И под каждым ударом тарана  
Осыпаются звезды без глаз, —  
Той же вечери новые рамы,  
Неоконченной расписи мгла.

(“Тайная вечера”, 9 марта)

О.Мандельштам в эту пору не только осознал безысходность своей страдательной кончины, но разглядел в ней образ своего истинного предназначения, своего поэтического служения.

.....  
Не кладите же мне, не кладите  
Остроласковый ландыши на виски —  
Лучше сердце мое расколите  
Бы на синего звона куски.

И когда я умру, отслуживши,  
Всех живущих прижизненный друг,  
Чтоб раздался и шире и выше  
Отклик неба во всю моя грудь.

(9-19 марта)

.....  
Чистых линий пучки благодарные,  
Собираются тонким лучом,  
Соберутся, сядут когда-нибудь,  
Словно гости с открытым чаем.

Только здесь на земле, а не на небе,  
Как в наполненный музыкой дом, —  
Только их не спугнуть, не изранить бы —  
Хорошо, если мы доживем.

То, что я говорю, мне прости,  
Тихо, тихо его мне прочти.  
(15 марта)

Когда, по воспоминаниям А.Ахматовой, О.Мандельштам кричал вслед одному из молодых поэтов, спуская его с лестницы: "А Христа - печатали?!", он защищал долг, призвание поэта служить бескорыстно и жертвенно Бузе, как Христос послужил своему Отцу. В последние месяцы воронежской ссылки, в ожидании нового, конечного ареста О.Мандельштам начал готовить себя к иному бытию.

О, как же я хочу -  
Нечуемый никем -  
Лететь во след лучу,  
Где нет меня совсем.  
  
А ты в кругу лучись -  
Другого счастья нет -  
И у звезды учись  
Тому, что значит свет.  
  
А я тебе хочу  
Сказать, что я щепчу,  
Что шопотом лучу  
Тебя, дитя, вручу.  
  
Он только тем и луч,  
Он только тем и свет,  
Что шопотом могуч  
И лепетом согрет.

(23 марта)

"При кресте Иисуса стояли Матерь Его, и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе. После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит:ажду" (Иоан. 19.25-28). Одно из последних, написанных в воронежской ссылке стихотворений, как бы и есть говорение с креста, на Голгофе.

Есть женщины сырой земле родные,  
И каждый шаг их - гулкое рицанье,  
Сопровождать умерших и впервые  
Приветствовать воскресших их призванье.

**Завещание.** И указание на "матерь", на "жену", на "поэта" с лицом "жены", лицом России. Ее черед омыть раны мучеников, залечить поруганное тело, совершить чин погребения и возвестить о воскресении.

Действительно, воскресение поэзии О.Мандельштама мы обязаны именем - И.И.Мандельштам, сберегшей от ареста почти чудодейственным образом не только отдельные рукописи поэта. Многие рукописи не сохранились. Но она сумела пронести в тайниках своей памяти самый голос мученика и его неповторимом фонетическом и ритмическом звучании. Голос России в неразрывной связи с лицом страдания и образом воскресения. Это образ О.Мандельштама. Тем, что этот образ живет, мы обязаны поэту с лицом "жены" - А.Ахматовой. Высокие, и своего рода прореческие слова сказал О.Мандельштам об А.Ахматовой в 1916 г.: "...В последних стихах Ахматовой произошел перелом к иератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал - после женщины настал черед же и и. Помните: "смиренная, одетая убого, но видом величавая жена". Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России"<sup>1)</sup>. О. Мандельштам, на протяжении своего предначертанного поприща, неоднократно углубляя, детализировал, расчищая и выставляя образ поэта-«жены». Предугадывая свой конец, разрешившийся от бремени мук и страстей, сказав собственным голосом уготовленные ему смыслы, он снова указал на лицо "жены".

Многих писателей-поэтов ожидала, как и О.Мандельштама, трагическая кончина. Арест в 1937 или другом году. Смерть в лагере или расстрел. Дата смерти не установлена и могила не найдена. Единственный апокриф. Но поэтическое свидетельство О.Мандельштама, воскресшее из небытия, - уникально и единственно своим подвигом живоговорения. В памяти слова о Слове. Один во тьме, свидетельствующий о тьме, и идущий на крест из тьмы к свету.

#### ПРАМАТЕРЬ АННА

"Неудивительно, что, чем в отдаленнейшую восходим мы древность, тем величавее рисуется нам образ веществы коренных изначальных тайн бытия, владычий над пребывающей из их темного лона жизнью, придверницы рождений и похорон, родительницы, восприемницы, кормилицы младенца, плачальщицы и умастительницы умершего,

<sup>1)</sup> О.Мандельштам. О современной поэзии. Собр.соч.в трех томах, Т.Ш.

речей служительницы и наперсницы двух богинь - темной Земли и светлой Луны, чуткой к их голосу в себе ~~и~~ самой, хризы и колдуны, злачарки и ядосмесительницы, первоучительницы заговора и пророчества, стиха и восторга"<sup>1)</sup>. Черты этого древнего таинственного образа практикующей Вяч.Иванов прозревал в процессе создания поэтического цикла "Сог Арденс". Но размыслия над ролью, которую христианское мировоззрение уготовило женщине, он писал: "Церковь уподобляет брак мученичеству: двое соединяются для сораспятия на кресте плоти, для извещения света в сферу материи и ее зачатия от света, для взаимного самовоспитания в духе, для общего в Боге подвига"<sup>2)</sup>.

Сочинения русских мистиков, в которых выразились их чаяния, и стихи русских поэтов с их тоской по идеальному образу Вечной Красоты и Женственности, иероглифы припомнений канонических женских абрисов, конкретно оплотленные женские характеры в русском психологическом романе и русском песенном фольклоре - не только должны были исторически явить России высоко собирательный тип личности, раскрывший себя во всей предопределенности, но создать свой, особый тип культуры, культуры, творимой самой Женственностью, самой Красотой и самой Скорбью.

Этот возникший на Руси тип культуры во всей полноте и многоступенчатом ипостасности органически воплотила в начале XX столетия Анна Ахматова.

"Дорогая Анна Андреевна, ... - писал О.Мандельштам 25 августа 1928 г. - ...Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами"<sup>3)</sup>.

Как Черный ангел на снегу,  
Ты показалась мне сегодня,  
И утаить я не могу,  
Есть на тебе печать Господни.

Такая страшная печать -  
Как бы дарованная сныше -  
Что, кажется, в церковной нише  
Тебе назначено стоять.

(Анне Ахматовой. 1910)

Черты лица искалечены  
Какой-то старческой улыбкой.  
Ужени и гитане гибкой  
Все муки Данта суждены? (Анне Ахматовой, 1915)

1-2) Вяч.Иванов. О достоинстве женщин. Сб."По звездам".

3) О.Мандельштам. Письмо А.А.Ахматовой. Собр.соч.в трех томах. Т.II.

Через все творчество О.Мандельштама, начиная с этих его стихов, проходит почти непрекращающаяся беседа с А.Ахматовой, Николаем Гумилевым.

О.Мандельштам, обладавший чрезвычайной интуицией, даром прорицания, знал, что разделит кончину своего воображаемого собеседника, от того ему особенно близкого. Как знал и то, что его духовной сестре, венчанной в браке с Н.Гумилевым - второй воображаемой собеседнице - "все муки Данта суждены". Отчетливо рисовалась картина, он ясно видел молитвенное стояние в "церковной нише" своего ходатая, поэта Анны Ахматовой. Может быть, это и помогло О.Мандельштаму стойчески вынести и жертвуно пронести выпавшие на его долю испытания.

А в комнате спального поэта  
Дежурят страх и Муза в свой черед  
И ночь идет,  
Которая не ведает рассвета.

(Воронеж, 4 марта 1936 г.)

"С Осипом я дружна была смолоду, но особенно подружились в 37 году. Да, в 37"<sup>1)</sup>.

Жертва Матери Божьей, отданный на поругание и смерть своего единородного сына, самая крайняя из принесенных миру человеческим родом. Эта великая жертва, не знавшая себе равных, и поставила Мать одесную престола Божия, превратив Ее в "скорую помощницу и заступницу", оплот, стену и покров всего рода христианского.

Образ Вечной Истинности - Вечной Красоты - Софии Премудрости Божьей - вдохновительницы и музы русских поэтов - "коевников красоты" - на крестном пути О.Мандельштама открылся ипостасью Матери. Печать вечно скорбного лица, две тысячи лет назад украсившая черты "жен мироносца", с тех самых пор чудодейственно преображает лица мучениц и праведниц этой земли, наделяя их ореолом святости.

В поэзии и на жизненном поприще А.Ахматовой О.Мандельштам уловил этот же отсвет великой неиздешней скорби.

<sup>1)</sup> Л.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. УМСА-Press, 1976г.

Касатка, милая Кассандра,  
Ты стонешь, ты горишь - зачем  
Стояло солнце Александра.  
Сто лет назад, сияло всем?

Когда-нибудь в столице шалой,  
На скифском празднике, на берегу Невы,  
При звуках смерзительного бала  
Сорвут платок с прекрасной головы...

(“Кассандра”, декабрь 1917)

К Анне Ахматовой, которой предстоит пройти жертвенный путь материнского служения, обращается поэт в 1931 г.

Сохрани мое речь навсегда за привкус несчастья и дыма,  
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.  
Так вода в Новгородских колодцах должна быть черна  
и сладима,  
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками  
звезды.

А в 1934 г незадолго до своего ареста и за год до ареста сына Анны Андреевны О.Мандельштам услышит почти пророческие стихи. Так же, как и стихи о Кассандре, они не сопровождаются посвящением. Посвящение – иллюзия, так как нет и тени сомнения, кому они адресованы.

Твоим узким плечам под бичами краснеть  
Под бичами краснеть, на морозе гореть.  
Твоим детским рукам утюги поднимать,  
Утюги поднимать да веревки вязать.  
Твоим нежным ногам по стеклу босиком,  
По стеклу босиком да кровавым песком.  
Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,  
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

И, наконец, – 1937 г., последние: – ранее упомянутое – “И К пустой земле невольно припадая”, и другие, созвучные “Реквиему”.

Как по улицам Киева-Вия  
Ищет мужа не знаю чья жена,  
И на щеки ее восковые  
Ни одна не скатилась слезинка.

Если О.Мандельштаму пришлось во всей для человеческого рода возможной полноте пройти и испытать голгофские муки Сына, то А.Ахматовой выпало испить чашу страдания Матери.

Личная судьба Анны Ахматовой, судьба всех женщин - современниц - "стрелецких женок", "войдих под кремлевскими башнями", претворилась в образах жен, матерей, сестер, невест - воплощенный символ русского национального характера. Особенности этого характера Достоевский увидел в личности пушкинской Татьяны, а И.Анненский - в персонах самого Достоевского.

О.Мандельштам разглядел в лирике А.Ахматовой традиции "тончайшего психологизма" русской прозы XIX столетия. Еще И.Анненский, их общий духовный учитель, включал эти традиции в сферу поэзии. В 1922 г., когда уже вышли сборники "Вечер", "Четки", "Белая стая", "Подорожник", Мандельштам, словно вспоминая статьи И.Анненского из книги "Отражений", писал: "Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и богатство русского романа XIX века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с "Анной Карениной", Тургенева с "Дворянским гнездом", всего Достоевского и отчасти Лескова. Гудезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не в поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу"<sup>1)</sup>.

Корни ахматовской образности Мандельштам находит в народной песне. "Ахматова, пользуясь чистейшим литературным языком своего времени, применяла с исключительным упорством традиционные приемы русской, да не только русской, а всякой вообще народной песни. В ее стихах отнюдь не психологическая изломанность, а типический параллелизм народной песни с ее яркой ассиметрией двух смежных тезисов, по схеме: "в огороде бузина, а в Киеве дядя". Отсюда двусторончатая строфа с неожиданным выпадом в конце. Стихи ее близки к народной песне не только по структуре, но и по существу, являясь всегда, неизменно причитаниями"<sup>2)</sup>. Позднее А.Ахматова сама оставит поэтическое свидетельство, подтверждавшее мандельштамовскую догадку о рождении ее стихов.

Бывает так: какая-то истома;  
В умах не умолкает бой часов;  
Вдали раскат стихающего грома  
Неузнанных и пленных голосов  
Име чудятся и жалобы и стоны,  
Сужается какой-то тайный круг,  
Но в этой бездне шепотов и звонов

<sup>1)</sup> О.Мандельштам. Письмо о русской поэзии. Собр. соч. в трех томах. т.3.

<sup>2)</sup> О.Мандельштам. Бури и матиск. Там же, т.2.

Встает один, все победивший звук.  
 Так идуг непогравимо тихо,  
 Что слышно, как в лесу растет трава,  
 Как по земле идет с котомкой лихо...  
 И вот уже послышались слова  
 Негихирий сигнальные звоночки,  
 Тогда я начинаю понимать,  
 И просто продиктованные строчки  
 Ложатся в белоснежную тетрадь.

( "Творчество", 5 ноября 1936)

Этим зарождающимся в "бездне шепотов и звуков", кем-то "продиктованным строчкам" Ахматова не всегда умела придать классическую литературную форму. "Я не только знаков этих, - говорила она Л.Чуковской, - которые вы расставляете играчи, запомнить не могу... но одно свое стихотворение даже записать не в состоянии, потому что не понимаю, как"<sup>1)</sup>.

Характер поэзии Ахматовой, сотворенной по образу народных притчаний или молитвенных канонов, явился наиболее органичной и наиболее емкой формой выражения не только интимно-личной, но всеобщей скорби, вечной печали и слез всех "предверниц рождений и похорон".

В ту пору, когда эмигрика конкретной действительности поставила А.Ахматову перед тяжелыми воротами в толпу обездоленных женщин, в очередь к окошку, где принимали передачи, - она не однажды вспоминала Вяч.Иванова, его сборник "По звездам". "Какие это статьи, - говорил А.Ахматова, - это такое озарение, такое прояснение... Он все понимал и все предчувствовал"<sup>2)</sup>.

В этот период жизни все чаще мысли А.Ахматовой возвращают ее к учителям - Пушкину, И.Аnnenскому, Достоевскому и к духовным братьям по христенному служению - И.Гумилеву, А.Блоку, О.Мандельштаму, Е.Пастернаку. Через всю жизнь пронесла А.Ахматова любовь к творчеству и личности Пушкина. Потрясенная "Кипарисовым ларцом" И.Аnnenского бывшая воспитанница Царскосельской гимназии<sup>3)</sup>

1-2) Л.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой.

3) К.И.Чуковский. Анна Ахматова. УШ Многообразие лиц. сб. "Память".

...Мы, коренные петербургские жители, безошибочно узнавали людей, воспитанных Царским Селом. Такой же, кстати сказать, отпечаток я всегда чувствовал в голосе, манерах и жесте наиболее типичного из Царскосельских - Иннокентия Аnnenского. Приметы этой редкостной породы людей: повышенная восприимчивость к музыке, поэзии и живописи, тонкий вкус, безупречная правильность тщательно отшлифованной речи, чрезмерная (слегка холодноватая) учтивость в

вспоминала: "... я сразу перестала видеть и слышать, я не могла оторваться, я повторяла эти стихи днем и ночь... Они открыли мне новую гармонию"<sup>1)</sup>. Несколько ощущая присутствие своих Царскосельских учителей, в январе сорокового года А.Ахматова скажет: "Царское для меня такой источник слез"<sup>2)</sup>. И пройдя круги жестоких, почти нечеловеческих мытарств вместе с пахнущей полынью Россией, она посмотрит на нее глазами Достоевского, "бросится" - припадет к ее святыни. Так появится "Первая предыстория" "Северных элегий".

А в Старой Руссе пыльные каналы,  
И в садиках подгнившие беседки,  
И стекла окон так черны, как прорубь,  
И мчится, там такое приключилось,  
Что лучше не заглядывать, уйдем.  
Но скаждым местом говориться можно,  
Чтобы оно свою открыло тайну  
(А в Оптиной мне большие не бывать...)

Семейная драма А.Ахматовой - арест сына, расстрел Н.Гумилева, расстрелы и аресты близких, покрание святых памяти, культуры, стены загубленных душ, вопли и плачи матерей предломились в трагедии личности - "голый человек на голой земле"<sup>3)</sup> (стояние перед

обращении с посторонними лицами, полное отсутствие запальчивых, резких, необузданных жестов, свойственных вульгарной развратности. ...Ахматова прочно усвоила все эти качества. Верная царскосельским традициям, навеки связавшая свое имя и судьбу с Ленинградом, с его каналами, она представляется многим воплощением северной русской культуры... Почему-то все охотно забывали, что родилась она у Черного моря и в детстве была юной дикаркой.... какой она описала себя в поэме "У самого моря".

...В каких бы царскосельских кипишах и ленинградских обличьях ни являлась она в своих книгах и в жизни, я всегда чувствовал в ней ту "кудлатую" бесстрашную девочонку, которая в любую погоду, с любого камня, с любого утеса готова была броситься в море - на встречу всем ветрам и волнам!

1-2) Л.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой.

3) Л.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой.

ником Божиим). Душа приняла Вселенскую трагедию. Во вселенском страдании, в крестной мистерии России открылся для Анны Ахматовой смысл ее поэтического служения, подобного пророческому служению Достоевского.

Страну знобит, а омский катарканин  
Все понял и на всем поставил крест.  
Вот он сейчас перемешает все  
И сам над первозданным беспорядком,  
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.  
Перо скрипит, и многие страницы  
Семеновским припаивают плацем.

Так вот когда мы вдумали родиться  
И, безошибочно отмерив время,  
Чтоб ничего не пропустить из зрелиц  
Невиданных, простились с небытьем.

(*"Северные элегии"* "Первая предыстория"  
3 сентября 1940 г., Ленинград.  
Октябрь, 1943, Ташкент)

А.Ахматова, как и Достоевский, в личной судьбе, а затем в культурно-исторической трагедии России – угадывает спасительный промысл Божий, религиозно-духовное Воскресение. Основным чтением А.Ахматовой становится *"Деяния"*.<sup>1)</sup>

Провиденциально-экзистенциальный опыт, но еще не осмысливший как служение, сказался рано.

Отчего же Бог меня наказывал  
Каждый день и каждый час?  
Или это ангел мне указывал  
Свет, невидимый для нас.

(сб. "Четки", май 1911, Флоренция)

А в *"Белой стае"*, предваренной эпиграфом из И.Айвазовского (*"Горы и ночью дорога светла"*), собранной из стихотворений периода Первой мировой войны, угадываются искры поминальных молитвословий *"Реквиема"*.

Дай мне горькие годы недуга,  
Задыханья, бессонницу, жар,  
Отъмы и ребенка, и друга,  
И таинственный песенный дар –  
Так молись за твоей литургией  
После стольких томительных дней,  
Чтобы туча над темной Россией  
Стала обланом в славе лучей.

(*"Молитва"*, май 1915. Духов день. Петербург)

<sup>1)</sup> Д.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой.

Начиная с финального стихотворения цикла "Подорожник" тема подурганий и грешной России становится личной темой поэта - поэта с лицом Жемчугы, Матери... Ницая Россия светится "ницим духом" поэта.

Мне голос был. Он звал утешно,  
Он говорил: "Иди сюда,  
Оставь свой край глухой и грешный,  
Оставь Россию навсегда."

.....

Но равнодушно и спокойно  
Руками я замкнула слух,  
Чтоб этой речью недостойной  
Не осквернился скорбный дух.

(Осень 1917)

Земной отрадой сердца не томи,  
Не пристрашивай ни к жене, ни к дому,  
У своего ребенка хлеб возьми,  
Чтобы отдать его чужому.

И будь служей смиреннейшим того,  
Кто был твоим кромешным судостатом,  
И назови лесного зверя братом,  
И не проси у Бога ничего.

(сб. "Anno Domini", декабрь  
1921. Петербург)

Интимные лирические стихи - органическое врастание и переплетение крестной судьбы России с крестной судьбой поэта. Все одно.

Скорбная судьба России, скорбная доля супружества, материнства, братства, творчества претворилась в поэзии просветленной Великой Скорби. По Евангелию блаженны: "нице духом", "плачущие", "крайние", "ждущие правды", "милостивые", "чистые сердцем", "миротворцы", "изгнанные за правду". "Блаженны вы, когда будут поменять вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня".

Поэзия А.Ахматовой стала гимном заповедям Блаженства.

И брат мне сказал: настали  
Для меня великие дни.  
Теперь ты наши печали  
И радость одна храни.

(1915)

За тебя отдала первородство  
И взамен ничего не прону,  
Оттого и лохмотья сиротства.  
Я, как брачные рязи, ишу.

(*"Anno Domini"*, июль 1921)

Как подарок, приму я разлуку  
И забвение, как благодать.  
Но, скажи мне, на крестную муку  
Ты другую посмешишь послать?

(*"Anno Domini"*, август, 1921)

Осознанное ощущение своего призвания смиренно, бесповоротно и до конца вместе со всеми женщинами России пройти все их крестные муки и сохранить с них бессмертную память в слове проявляется уже в 1922 году.

Я - голос ваш, жар вашего дыханья,  
Я - отраженье вашего лица,  
Напрасных крыл напрасны трепетанья,  
Ведь все равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так ядно  
Меня в грехе и в немощи моей,  
Вот отчего вы дали неоглядно  
Мне лучшего из ваших сыновей.

Вот отчего вы даже не спросили  
Меня ни слова никогда о нем  
И чадными хвалами задыхали  
Мой навсегда опустошенный дом.

И говорят - нельзя теснее слиться,  
Нельзя исправнее любить.  
Как хочет тень от тела отделиться,  
Как хочет плоть с душою разлучиться,  
Так и хочу теперь - забыть быть.

(сентябрь 1922)

"Записки об Анне Ахматовой" Л.К.Чуковской охватывают 1938-1940 - годы общественной "забытости" А.Ахматовой, годы их - обещих - простояния перед тяжелыми залорами, годы рождения "Ревизора", годы осознанного почти личного существования поэта в нищете и аскезе.

Лидия Корнеевна свидетельствует об органическом невнимании к еде, а порой и нежелании А.Ахматовой принимать пищу, иную, кроме чая и куска хлеба; о невнимании и небрежении к одежде, о бессонницах - сменении и потере счета дней, часов календарного проживания; притупления у нее ощущений физической боли; полной незащищенности и почти тотальной зависимости от соседей по коммунальной квартире; их желаний и прихотей - и вообще об отсутствии каких-

либо интересов к событиям обыденного существования. Единственная нить удерживала поэта в земных координатах - страдания близких, стоящих по обе стороны решетки, обреченных на мученические испытания, и тех, кому уготовлено оплакивать и хоронить униженных, изогнутых, распятых.

К.И.Чуковский достаточно выразительно и всего лишь в нескольких абзацах лепит облик А.Ахматовой: "Она в окраинных стенах коммунальной квартиры, где из-за дверей бесцеремонных соседей не умолкая ерет на телефон, часами наблют соседских детей, угощает их лакомствами, читаем им реальное книжки - старшему - Вальтера Скетта, младшему - сказку о Золотом петушке. У них был щедрый отец, нередко избивающий их под пьяную дуку. Услышав их отчаянные крики, Анна Андреевна спешила защитить малыней, и это удавалось ей далеко не всегда.

Уже во время войны до нее додел дух, что один из ее питомцев погиб в Ленинградской блокаде. Она посвятила ему эпитафию, которая начинается такими словами:

Постучи кулачком - я открою  
Л тебе открывала всегда.

Для него, для этого ребенка, ее дверь всегда была открыта. ... младшая современница Анны Ахматовой, которая любезно предоставила мне свои памятные заметки о ней, пишет: "Я уже не раз замечала, что с ребенком на руках она (Ахматова) сразу становилась похожа на статую Мадонны - не лицом, а всей осанкой, каким-то скорбным и скромным величием" (2 августа 1940 г.). Это "скорбное и скромное" величие Ахматовой было - повторяю - ее несъемлемым свойством... Она оставалась величественной всегда и везде, во всех случаях жизни - и в светской беседе, и в интимных разговорах с друзьями и под ударами свирепой судьбы - "хоть сейчас в бронзе, на пьедестал, на медаль"<sup>1)</sup>.

Если К.И.Чуковский, воспользовавшись "любезно предоставленными ему заметками" своей дочери, нарисовал облик величественной скорби, то сама Л.Чуковская, оставляя заметки ежедневных встреч с А.Ахматовой, создала образ ищей подвижницы, которая стремилась уподобить опыт своего ежедневного проживания опыту своего сына и всех обреченных на смерть и заключение.

<sup>1)</sup> К.И.Чуковский. Анна Ахматова. Многообразие ликов. сб. "Память".

Реквием.

(1935-1940)

Нет, и не под чуждым небосводом,  
И не под залитой чуждых крыл, -  
Я была тогда с моим народом,  
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Посвящение

Перед этим горем гнуются горы,  
Не течет великая река.  
Но крепки терпимые запсы,  
А за ними "каторжные норы"  
И смертельная тоска.

(март 1940)

.....

Вступление

Это было, когда улыбался  
Только первый, спокойстив ряд.  
И иенужным привеском болтался  
Возле тицем своих Ленинград.  
И когда, обезумев от муки,  
Или уже осужденных поиски,  
И короткую песнь разлуки  
Баровозные пели гудки.  
Звезды смерти стояли над нами,  
И безвинная корчилась Русь  
Под кровавыми сапогами  
И под шинами черных мадусть.

I

Увидели тебя на рассвете,  
За тобой, как на выносе, шла,  
В темной горнице плакали дети,  
У баничицы свеча смыла.  
На губах твоих холод иконки.  
Смартный пот на челе... Не забыть!  
Буду я, как стрелецкие женки,  
Под кремлевскими башнями вить.

(1935)

Пройди вместе с сыном весь путь его страстей от ареста к  
"Приговору" -

И упало каменное слово  
На мое еще живую грудь...  
(лето 1939)

и "К смерти" -

Ты все равно придишь - зачем же не теперь?  
И иду тебя - мне очень трудно.  
И потухла свет и отворила дверь  
Тебе, такой простой и чудной.

Она словно сама подводит сына к распятию. Распятие сына - уже крест. Образ сына и образ матери вырастают в символ-икону Христа распятого.

### Распятие

"Не рыйдай Мене, Мати  
по гробе сущу"

#### I

Хор ангелов великий час восславил,  
И небеса распахнулись в огне.  
Отку сказали: "Что меня оставил?"  
А Матери: "О, не рыйдай Мене".

#### II

Магдалина билась и рыдала,  
Ученник любимый каменем,  
А туда, где молча Мать стояла,  
Так никто взглянуть и не посмел.  
(1940-43)

Дар поэтического говорения Анны Ахматова в двенадцатичастном цикле "Реквием" излила на мир слезами Матери, стоящей у креста в момент распятия Сына. Распятый сын - картива России. Последняя часть цикла - поминание всех матерей и жен, которые принесли в жертву России своих сыновей и мужей.

### Эпилог

#### I

.....  
И я молилась не о себе одной.  
А обо всех, кто там стоял со мной,  
И в лютый холод, и в июльский зной,  
Под красной осенней стеной.

#### II

Опять поминальный приблизился час  
И вижу, я слышу, я чувствую вас:  
И ту, что едва до сина довели,  
И ту, что родимой не тошчет земли,  
И ту, что красивой тряхнув головой,  
Сказала: "Сюда прихожу, как домой".  
Хотелось бы всех поименно назвать,  
Да отняли список, и негде узнать.  
Для них соткала я широкий покров  
Из бедных, у них не подслушанных слов.  
О них вспоминаю всегда и везде,  
О них не забуду и в новой беде,  
И если захмут мой измученный рот,  
Которым кричит стомильонный народ,  
Пусть так же они поминают меня  
В каких моего поминального письма

Личная беда Анны Ахматовой - беда матери и жены - выпала в соборное поминовение усопших, Панихиду по мученикам России. И, если Православная культура предполагает внутри себя некое живое, органическое творчество, то "Реквием" А.Ахматовой - то высокое словесловие, которое естественным образом вписывается в канон Православного поминального культа.

Только полифония поэтического мышления А.Ахматовой, ее существование в многоголосом диалоге живых и мертвых могли родить вслед "Реквиему" "Поэму без героя". Трехсотлетняя история Петербурга ожила в памяти культуры - в ее образах, символах, мифах, архитектуре - через "подвал памяти" поэта - спать через Пушкина, Достоевского, И.Анненского, Бич.Иванова и всех тех, чьи судьбы связаны с мистической судьбой бывшей столицы России - ныне, в час блокады, обреченный на умирание. Поэт прослеживает начала и концы своей и петербургской истории, связанной с предопределенностью России.

Фонтанный дом - квартира А.Ахматовой. Фонтанный дом - начало Петербургской истории. Петербург - новое начало в истории России. История России и ее культуры в ее прошлом, будущем и настоящем проходит через дом поэта в странном, ритуальном шествии призраков и масок. Единственной конкретной живой реальностью, как и в "Реквиеме", становится смерть, могилы. И снова поэт создает памятник погибшим - погибшим от голода соотечественникам.

А не{ ставший моей могилой,  
Ты, крамольный, спальный, миный,  
Побледнев, помертвел, затих.  
Разлучение наше мнимо:  
Я с тобою неразлучима,  
Тень моя на стенах твоих,  
Отраженье мое в каналах,  
Звук шагов в Эрмитажных залах,  
Где со мною мой друг бродил,  
И на старом Волковом Поле,  
Где могу я гуздать на воле  
Над безмолвьем братских могил.  
О любви, измене и страсти,  
Сбросил с крыльев свободных стих,  
И стоит мой город "запитый" ...  
Тяжелы надгробные плиты  
На бессонных очах твоих:  
Мне казалось, за мной ты гнался,  
Ты, что там погибать остался  
В блеске шпилей, в отблески вод.

Промилльное спасение от блокады и смерти и становится стимулом рождения "Поэмы без героя".

Все вы мной любоваться могли бы,  
Когда в брюхе летучей рыбы  
Я от злой погони спаслась  
И над полным врагами лесом,  
Словно та, одергивая бесом,  
Как на Брокенской ночной неслась.

(Часть третья. Эпилог. Окончено  
в Ташкенте 18 августа 1942 г.)

Свое служение "придверницы похорон" А.Ахматова всегда несла с достоинством смирения, разгадав в нем тайный шифр своего высшего предназначения. Она появляется и в Чистополе ровно через месяц после самоубийства М.Цветаевой. Л.К.Чуковская записывает: "Сегодня мы шли с Анной Андреевной вдоль Камы, я переводила ее по бердочке через ту самую лужу-океан, через которую месяц назад помогла пройти Марине Ивановне... -Странно очень, - сказала я, - та же река, такой же холодный день, и лужа и досточка та же. Месяц тому назад на этом самом месте, через эту самую лужу я переводила Марину Ивановну. И она меня расспрашивала о вас. А теперь ее нет и вы расспрашиваете меня о ней. На том же месте!"<sup>1)</sup>

"О муга плача, прекраснейшая из муз!" - писала М.Цветаева в 1916 г., обращаясь к Ахматовой. А Анна Ахматова в 1961 г. ей ответит: "Комаровскими набросками", эпиграфом им послужат слова "О муга Плача..."

.....

Все мы немного у жизни в гостях,  
Дить - это только привычка.  
Чудится мне на воздушных путях  
Двух голосов перекличка.  
  
Двух? А еще у восточной стены,  
В зарослях крепкой мацмины,  
Темная, свежая ветвь бузины...  
Это - письмо от Мацмины.

Указания и предвестия О.Мандельштама и М.Цветаевой об Анне Ахматовой сбылись. Она на свои хрупкие плечи взвала и пронесла до конца тот крест, который должна была пронести русская поэзия в деле спасения и очищения от скверны лика России...  
Анна Ахматова в "Дополнениях" к "Северным алегиям" запишет:

<sup>1)</sup>Л.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой.

И чем сильней они меня хвалили,  
 Чем мной сильнее люди восхищались,  
 Тем мне страннее было в мире жить  
 И тем сильней хотелось пробудиться,  
 И знала я, что замачу сторицей  
 В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,  
 Безде, где просыпаться надлежит  
 Таким, как я, - но длилась пытка счастьем.  
 (4 июля 1955. Москва)

Это ощущение принятия мук и испытаний, как выпавшее на ее долю счастье, счастье избранничества - поразительно. В этом феномен А.Ахматовой разве что роднится с Пушкиным. Б.Л.Пастернак в письме к А.Ахматовой от 28.7.40 пишет: "В отношении же пушкинских начал Вы вообще единственное имя"<sup>1)</sup>.

В короткой автобиографии Анна Ахматова записывает: "Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина"<sup>2)</sup>. Ее, как поэта, интересовали связи счастливого гения Пушкина с враждебной ему эпохой. "Он победил время и пространство. Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные теми изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят; здесь бывал Пушкин, или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея, рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово "Пушкин", и, что самое для них странное, - они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете; в ответе,  
 Можете пока спокойно спать.  
 Сила - право, только ваши дети  
 За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один недрукторный *aegre regenpius*<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Б.Пастернак. Письма. Б.Л.Пастернак - А.Ахматовой. 28.7.40. Вопросы литературы. 1972 г. № 9.

<sup>2)</sup> А.Ахматова. Коротко о себе. Советский писатель. 1976. Стихотворения и поэмы.

<sup>3)</sup> А.Ахматова. Слово о Пушкине. А.Ахматова. О Пушкине. Статьи. "Советский писатель". 1977.

Если эпоха Николая I иные зовется Пушкинской, то сталинская эпоха тридцатых и сороковых годов России - России кровью омытой - называется в истории русской культуры эпохой Аины Ахматовой. И если Пушкин написал: "Я памятник себе воздвиг нерукотворный", то А.Ахматовой выпало на долю позаботиться о своем "рукотворном".

А если когда-нибудь в этой стране  
Воздвигнутъ задумают памятник мне,  
Согласье на это даю торжество,  
Но только с условьем - не ставить его  
Ни около моря, где я родилась:  
Последняя с морем разорвана связь,  
Ни в Царском саду у заветного лин,  
Где тень безутешная ищет меня.  
А здесь, где стояла я триста часов  
И где для меня не открыли засов.  
Затем, что и в смерти блаженной боясь  
Забыть громыхание черных марусь.  
Забыть, как постылая хлопала дверь  
И выла старуха, как раненый зверь.  
И пусть с неподвижных и бронзовых век  
Как слезы струится подтайший снег,  
И голубь тающий пусть гулит вдали,  
И тихо идут по Неве корабли.

(март 1940).

Аина Ахматова, осмыслившая страдание как знак вечного блаженства, а блаженство как состояние любви и памяти о страдущих, видимо и явилась в русской культуре тем новым словом, которому Вяч.Иванов в своей статье "Символизм" дал имя "вечного символизма": "...школа, ценившая почетное, теперь пустое, звание символизма, вскору несомненно умерла вследствие своего... первородного греха: внутреннего противоречия, ей с изначала присущего. Но в ней жила бессмертная душа, и так как большие проблемы, ею поставленные, не нашли в ее пределах адекватного выражения, все заставляет предвидеть в далеком или недалеком будущем и в иных формах более чистое явление вечного символизма"<sup>1)</sup>.

Изнейший путь Аины Ахматовой словно предопределил ее к Блаженству. Ибо "блаженны ищие духом", как и "блаженны плачущие". Дело Божье знать о засмертном странствии ее души. Однако может кому-то из потомков, может быть тому, кому суждено сотворить ей "рукотворный", будет дано указание, и мир услышит, что душа поэта Аины Ахматовой явилась ему в образе праматери-Аины, как он услы-

<sup>1)</sup> Вяч.Иванов. Символизм. Собр.сочт т.И. Брюссель. 1974.

нал от схиархимандрита Оптинского скита старца Варсонофия, что "мы веруем, что Достоевский спасен". "Достоевский, - рассказывал старец своим духовным детям, - бывал здесь и сиживал на этом кресле, говорил о Макарии, что раньше он ни во что не верил. "Что же заставило вас повернуть к вере?" - спрашивал его батюшка о.Макарий. - "Я видел рай. Ах, как там хорошо, светло и радостно. И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу забыть я того, что перекид там - и с тех пор повернулся к Богу!" - И, действительно, повернулся он круто направо. Мы веруем, что Достоевский спасен"<sup>1)</sup>. "Спасен" - по догмату Православной церкви - значит "свят".

Иеромонах Софроний, описывавший житие старца Сидуана, высказывает: "...единый святой - есть явление чрезвычайно драгоценное для всего человечества. Святые фактам своего бытия, хотя бы и неизвестного миру, но известного Богу, низводят на землю (на все человечество), великое благословение Божие..." и далее: "...подвижник молитвы исходит из веры, что Бог нас сотворил, а не мы творим Бога, и потому в своем отвлечении от всякого богословского и философского творчества без видимой молитвой обращается к Богу, и если смишает благоволение Божие к молящему и будет дано ему вкусить приближение Бога, то и в этом случае видение о Боге сверхобразном преложится в тот или иной образ, однако этот образ "не видуман" подвижником и пророком, но "дан" ему свыше".

Действительно, только данное свыше видение рая могло Достоевского наполнить столь животворной энергией любви, что он, касаясь "миров иных", "слушая трепет жизни мировой", мог такой великой любовью обять падших, униженных, греховых. Чульс, дыхание этой великой любви ощущаются в поэзии Анны Ахматовой, которая могла сказать:

Затем, что и в смерти блаженной боясь  
Забыть громыхание черных марусь.

Традиции Пушкин - Достоевский - Вл.Соловьев - Евг.Иванов - И.Алминский в наше эпоху предали О.Мандельштам и Анна Ахматова. Они явили иное свечение русской поэзии, откровение о ее вечне-

<sup>1)</sup>Беседы схиархимандрита Оптинского скита Варсонофия с духовными детьми. "Надежда". Христианское чтение. Часть шестая. Москва, 1980.

вой, преображающейся энергии души, исполненной скорбью страстетерпного мира, обращенного к лицу Христа. "Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня духа" (2 Кор.).

## ПРИЛОЖЕНИЕ:

Е.Н.

из предисловия к сборнику  
"Лик и личины России"

Ближайшим образом название "Лик и личины России" отсылает к статье Вяч. Иванова об исследовании идеологии Ф. Достоевского; авторы предлагаемой /и предлагаемой/ работы хотели бы интонационно продолжить прерванное внешними службами. Под интонационной преемственностью понимается некое "домашнее продолжение разговора", то счаивание "филологического семинара", которое Осип Мандельштам отмечал в стилистике В. Розанова и И. Аnnenского; то есть не интонация "уличных лозунгов" и "манифестов", а: разговор близко знакомых, "принятых в доме", когда цитаты подразумеваются, когда сказанное вподголоса слово о чем-то или ком-то "уже предполагает" знакомство дома с этим "что-то\_кто\_то". Вероятно, что И. Киреевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, И. Аnnenский, В. Розанов, А. Ахматова, О. Мандельштам не признали бы нас за "своих", не "пустили бы в дом", — что же, тогда у нас остается все же право напастись у "их дверей", в подъезде, на лестничной клетке. Но: важно, что у их квартир, чтобы не сказать детски-высоконарно: у их могил. Вероятно, что и они сами не всегда постигали себя "домашними", ибо были слишком по-разному рождены по плоти, по-разному по плоти образованы и т.д., — но, кажется нам, подожительным определением "дома" является не столько то, откуда ты вышел, сколько то, куда стучался, куда вошел и где остался навсегда. И вот они, и многие другие, стучались в дверь органической русской культуры, которой еще не было, поэтому из нее нельзя было выйти, чтобы разойтись прочь из дома, но которая все же будет, чтобы приоткрыть и обласкать их, бедомных тогда, ибо "европейский и византийский" дома были не русским жильем. Авторы хотели бы нешуточно прояснить лиц и России, не очень гневаясь на сколки лиц и икон, которые будут спадать при расчищении икон. Да, как кажется, метафорой удачной и намечаемой работе есть облик мастерового, расчищающего старую "черную" икону.

Что было уже сделано и что надо по преемству продолжать? Было осмыслено чрезвычайно важное, а именно, постижение того, что культура должна быть целостной, единой и грациозно артикулированной. Вероятно, постижение культуры как органи из ма как некоего целого, выросшего из одного семени, разветвленного и расцветшего так, а не иначе, возможно в двуедином моменте: предсмертном подведении итогов, тяготящем к осмыслению умиранию культуры как истории и исповеди перед распадом в прах, и, притворческом зачатии новой культуры, когда вмечается, что в семени залит уже весь организм. В первом случае модель целостности культуры дает исповедальная история и софия, во втором: безжалостная поэтическая страсть. Поэтическое художественное произведение, страстно, безжалостно и неумолимо исторгшееся сквозь поэта, причем, несчастный, он лучше других знает, что волевая установка здесь не имеет значения, такое произведение, говорим, есть м е д л ь к у а т у р ы в её чистом виде спаянности в единое и несмешне — артикулированное явление. На предсмертной исповеди историк или историософ отыскивает в прошлом и соединяет в монтаже культуру как целое, — лучшей метафорой здесь оказывается кинематограф; в мыге премногастании "как плод во чреве зачавшей" тщется культура как целое в метафоре поэтического или художественного универсума, где мелья "заменить запятых", чтобы не распалось счаивание поэзии. То, что вошло в европейский научный словарь как "морфологический" подход к истории с отсылками к метафорам растений, кристаллов и пр. есть в свой черед метафора творения как такого, а оно, творение, имеет свою беспримесную модель в поэтическом произведении. В самом деле, если кому-то и может прийти в голову нечто "скрещивать" в мире растений, то все же уродство "скрещиваний" в редактуре художественного целого, артикулированного и невозможного к перемене мест и значений, самоочевидно. Итак: русские поэты самим актом невозможности рационально противостоять губительному для их личной жизни творчеству, раздущему сквозь них и исторгнувшему сквозь них беспримесные модели предсмертной культуры в метафорах стихотворений как таких, исподтиши сдауки и ие. Конечно же, они жили "в поэзии", "в философской критике", а не в поместьях и чинах, уготованных им

западническим "домом Романовых". А их "личные" неурядицы или катастрофы лишь линий раз указывают, что у Романовых они были не дома; и в Европе "дома" также не оказалось; что "дом" их творился сквозь них, явив свое будущее устроение в единство и артикулированной множественности в их с т и х а х. «ни "буквально" жили в стихах, и оценивать их действия, конечно же, надо из их произведений, ибо сами они сказали о себе, что до их "работы" они были, быть может, ничтожнее всех остальных. В пределе: они и не жили вовсе "здесь", а к ним предъявлялись честные требования "жить здесь как все мы". Другие, агитаторы, говорили, что они могут "не быть поэтами", но обязаны быть "гражданами" того уже меняющегося и распадающегося в нераздельную пыль мира, который, как "призрак", все еще ютился народ — дамскую Русь. Так: "...форма есть деспотизм внутренней идеи, но данной материи разбегаться. Гармония узла этого естественного деспотизма, явление гибнет... Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Число вещества должно, при известных условиях, оставаться самим собой, кристаллизоваться призмами, другое — антиподами и т.п. Иначе они не смогут, иначе гибнут, разлагаются. Растительная и животная морфология есть не что иное, как наука о том, как однажды не сможет стать дубом, как дуб не сможет стать пальмой и т.д., им с зерна и редута становление не иметь такие, а не другие листья, такие, а не другие цветы и плоды... Тот, кто хочет быть истинным реалистом, где нужно, тот должен рассматривать и общества человеческие с подобной точки зрения. Но обыкновенно делается не так..." /К. Леонтьев, "Византизм и славянство"/

Продолжение работы состоит, повидимому, в выяснении некоей "философской критики" тех, теперь уже, содержательных иачаи, которые артикулирование дали в превозвестях, прорвавшихся сквозь поэзию, т.е. пределить работу Ин.Анненского, Бич.Краинова. Если будут выяснены "категориальные начала", присущие в целом поэтического, то напишу принцип органического превозрастания и претензия, может быть вычленена и седера — катедриальная модель будущей культуры, самобытно Русской и, не превозвестив сквозь Достоевского, в сече лозе ческую Россию необходима философия, вся "наша поэзия" сквозь философию/К.Киреевский/; и поскольку "первые интеллигенты были византийские монахи, они навязали языку чужой

дух и чужое обличье" /~Мандельштам/, а вторыми интеллигентами были "рымские князья" Романовы, то вычленить в универсуме поэтического произведения и а ч а л а собственно русские, из которых, ясно и словесно чисто, должна произрастать русская культура, представляется делом серьезным и почетным.